

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Юридический институт
Направление «Юриспруденция»

УТВЕРЖДАЮ
Зав.кафедрой «ГПД»
название
_____/О.В. Романовская/
(инициалы и фамилия)
____ 2022 г.

ЗАДАНИЕ

на выпускную квалификационную работу студента гр. 22ЮЮОМ1

Спирина Алексея Витальевича

1. Тема работы: Публично-правовые основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации

2. Научный руководитель: д.ю.н., профессор, Романовская О.В.

3. Дата выдачи задания: 08.11.2022 г.

4. Срок сдачи слушателем законченной работы: 29.05.2024 г.

5. Перечень подлежащих разработке вопросов:

5.1. Конституционные основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации;

5.2. Правовые основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации;

5.3. Правовой статус органов государственной власти в свете реализации конституционного принципа светского государства;

5.4. Правовой статус религиозных объединений в свете реализации конституционного принципа свободы совести и вероисповедания;

5.5. Проблемы эффективности модели государственно-конфессиональных отношений в контексте конституционной реформы 2020 года;

5.6. Перспективы модернизации государственно-конфессиональных отношений в контексте конституционной реформы 2020 года.

6. Консультанты по работе, с указанием относящихся к ним разделов

работы:

Раздел	Консультант	Подпись, дата	
		Задание выдал	Выполненное задание принял
Введение		08.11.2022 г. <u>Романовская О.В.</u>	08.02.2023 г. <u>Романовская О.В.</u>
Общие положения о публично-правовых основах взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации		08.02.2023 г. <u>Романовская О.В.</u>	08.05.2023 г. <u>Романовская О.В.</u>
Особенности правового статуса субъектов взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации		08.05.2023 г. <u>Романовская О.В.</u>	18.09.2023 г. <u>Романовская О.В.</u>
Проблемные аспекты публично-правового регулирования взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации		18.09.2023 г. <u>Романовская О.В.</u>	29.01.2024 г. <u>Романовская О.В.</u>
Заключение		29.01.2024 г. <u>Романовская О.В.</u>	29.05.2024 г. <u>Романовская О.В.</u>

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ⁴

1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹¹

1.1 Конституционные основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации¹²

1.2 Правовые основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации²⁶

2 ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ³³

2.1 Правовой статус органов государственной власти в свете реализации конституционного принципа светского государства³³

2.2 Правовой статус религиозных объединений в свете реализации конституционного принципа свободы совести и вероисповедания³⁸

3 ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ⁵⁰

3.1 Проблемы эффективности модели государственно-конфессиональных отношений в контексте конституционной реформы 2020 года⁵⁰

3.2 Перспективы модернизации государственно-конфессиональных отношений в контексте конституционной реформы 2020 года⁵⁷

ЗАКЛЮЧЕНИЕ⁷⁴

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ⁷⁶

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования публично-правовых основ взаимодействия

религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации обуславливается многими аспектами, которые касаются как исторических, так и современных социальных и правовых реалий. Прежде всего, необходимо отметить, что Россия является одной из крупнейших многонациональных и многоконфессиональных стран мира, где религиозные объединения играют значительную роль в общественной жизни и имеют глубокие исторические корни. Историческое наследие России, включая православие, ислам, буддизм и другие религии, формировало не только культурную и духовную идентичность народа, но и оказывало влияние на развитие государственной политики и законодательства.

Современное российское общество, будучи многоконфессиональным, сталкивается с необходимостью выработки эффективной государственной политики в отношении религиозных объединений. В условиях глобализации и роста межкультурных контактов усиливается значимость религий как факторов, влияющих на общественные настроения, социальную стабильность и интеграционные процессы. В этом контексте особую важность приобретает исследование механизмов взаимодействия между религиозными объединениями и государственными органами, направленных на поддержание межконфессионального мира и гармонии.

Правовое регулирование этой сферы требует тщательного анализа существующих нормативных актов и их соответствия международным стандартам. Россия, как участник многих международных соглашений и конвенций, обязана придерживаться принципов свободы совести и религии, что закреплено в Конституции РФ и ряде международных документов. Однако практика применения этих принципов часто вызывает дискуссии среди правоведов, представителей религиозных организаций и правозащитников. Это связано с тем, что правоприменительная практика может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств, что подчеркивает необходимость всестороннего анализа и выработки рекомендаций для улучшения правового регулирования.

Судебная практика в этой области также представляет значительный интерес для исследования, так как позволяет выявить реальные проблемы и противоречия, возникающие при взаимодействии религиозных объединений и государственных органов. Изучение конкретных судебных дел и правовых позиций, занятых судами различных инстанций, помогает понять, каким образом правовые нормы применяются на практике и какие аспекты требуют дополнительного законодательного регулирования или уточнения.

Кроме того, актуальность исследования определяется необходимостью обеспечения конституционных прав и свобод граждан, включая свободу совести и вероисповедания. В условиях современной России религиозные объединения продолжают активно развиваться, оказывая значительное влияние на различные сферы общественной жизни, включая образование, культуру, социальное обеспечение и благотворительность. Это требует от государства выработки адекватной и гибкой правовой политики, способствующей гармоничному взаимодействию религиозных организаций и государственных институтов.

Особую актуальность приобретает исследование в свете новых вызовов и угроз, связанных с экстремизмом и радикализмом, которые могут использовать религиозные идеи в своих целях. Государство обязано принимать меры по предотвращению использования религиозных объединений в экстремистской деятельности, при этом не нарушая прав и свобод добросовестных верующих. Этот баланс между обеспечением безопасности и соблюдением прав человека представляет собой одну из ключевых задач современного правового регулирования.

Научная разработанность публично-правовых основ взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации включает обширный массив источников, охватывающих различные аспекты правового регулирования, теоретического анализа и практических подходов к данной проблематике. Представленные источники могут быть разделены на несколько тематических групп, каждая из которых

вносит свой вклад в общее понимание взаимодействия религиозных объединений и государственных структур.

Источники, такие как работы Бабичева И.В. («Муниципальное право: системно-структурный анализ юридических конструкций») и Барабашева Г.В. («Местное самоуправление»), закладывают основу для понимания муниципального права и местного самоуправления, что важно для рассмотрения взаимодействия религиозных объединений на местном уровне. Эти работы предоставляют аналитический и структурный подход к юридическим конструкциям, которые могут быть полезны для анализа правового положения религиозных организаций в системе местного самоуправления.

Другие работы, например, «Стратегическое управление» Виханского О.С. и коллективная монография «Государство, Конституция, Родина: к поискам национальной идеи новой доктрины государства», под редакцией Л.В. Голоскокова, рассматривают более широкий контекст государственного управления и формирования национальной идеологии, что позволяет понять место и роль религиозных объединений в государственном и общественном устройстве.

Исследования, посвященные конкретно религиозным аспектам, такие как монография А.А. Исаевой («Формы ограничений свободы совести и перспективы секуляризма в современном мире») и работы А.Ю. Коневской («Конституционная свобода совести: содержание, границы, гарантии»), углубляют понимание правовых и конституционных аспектов свободы совести и религии. Эти работы анализируют правовые ограничения и гарантии, предоставляемые конституцией, что является ключевым для исследования взаимодействия религиозных объединений и государственных органов.

Работы, такие как «Проблемы реализации права осужденных на свободу вероисповедания» В.Н. Королева и «Религия и право в современной России» Р. Лункина и И. Загребинной, рассматривают конкретные проблемы реализации

прав на свободу вероисповедания в различных контекстах, включая пенитенциарную систему и общий правовой ландшафт современной России. Эти исследования предоставляют эмпирические данные и анализ конкретных случаев, что способствует пониманию практических вызовов и реалий правоприменения.

Важным вкладом являются работы, посвященные международному опыту и сравнительному праву, такие как книга Ф. Марджотта Брольо и соавторов («Религии и юридические системы. Введение в сравнительное церковное право») и исследование Д. Мердока («Защита права на свободу мысли, совести и религии в рамках Европейской конвенции о защите прав человека»). Эти источники позволяют сопоставить российский опыт с международной практикой и понять, как реализуются принципы свободы совести и религии в других правовых системах.

Наконец, научные статьи и материалы, такие как исследования С.А. Авакьяна, А.А. Бимбинова и В.Н. Воронина, А.В. Должикова и других, предоставляют актуальные данные и анализ текущих изменений в правовом регулировании, касающемся религиозных объединений. Эти статьи освещают современные тенденции и законодательные инициативы, что важно для понимания текущего состояния и перспектив развития правового поля.

Представленный массив источников отражает широкий спектр научной разработки темы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации. Комплексный подход, объединяющий теоретический анализ, эмпирические данные и сравнительное правоведение, позволяет всесторонне исследовать эту многогранную проблему и выработать рекомендации для дальнейшего совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с взаимодействием религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации.

Предметом исследования выступают нормативно-правовые акты,

регулирующие общественные отношения, возникающие в процессе взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации.

Цель работы заключается в актуальном анализе проблем и противоречий, связанных с правовым регулированием взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации, а также в выработке рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы в этой сфере.

Задачами исследования выступают:

- анализ конституционных основ взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации;
- анализ правовых основ взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации;
- определение правового статуса органов государственной власти в свете реализации конституционного принципа светского государства;
- определение правового статуса религиозных объединений в свете реализации конституционного принципа свободы совести и вероисповедания;
- выявление проблем эффективности модели государственно-конфессиональных отношений в контексте конституционной реформы 2020 года;
- анализ перспектив модернизации государственно-конфессиональных отношений в контексте конституционной реформы 2020 года.

Практическая значимость исследования публично-правовых основ взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации заключается в разработке рекомендаций и предложений, направленных на совершенствование правового регулирования и правоприменительной практики в данной сфере.

Во-первых, результаты исследования могут быть использованы для улучшения законодательства, регулирующего деятельность религиозных объединений, что позволит более эффективно обеспечивать баланс между

гарантией свободы совести и религии и необходимостью поддержания общественного порядка и безопасности. Выработка конкретных предложений по внесению изменений в действующие нормативно-правовые акты поможет устранить существующие правовые пробелы и противоречия.

Во-вторых, исследование имеет важное значение для органов государственной власти, занимающихся регулированием и контролем деятельности религиозных объединений. Практические рекомендации, основанные на анализе судебной практики и международного опыта, могут способствовать более взвешенному и обоснованному принятию решений, что, в свою очередь, повысит уровень правовой защищенности всех участников данных общественных отношений.

В-третьих, результаты исследования могут быть полезны для религиозных объединений, стремящихся к соблюдению законодательства и эффективному взаимодействию с государственными органами. Разработка рекомендаций по правовому сопровождению деятельности религиозных организаций поможет им лучше ориентироваться в сложной правовой среде и избегать возможных нарушений.

Кроме того, исследование имеет образовательную значимость. Материалы и выводы работы могут быть использованы в учебном процессе в рамках курсов по праву, религиоведению и государственному управлению. Это позволит студентам и специалистам углубить свои знания в области правового регулирования взаимодействия государства и религиозных объединений, а также лучше понять современные тенденции и вызовы в данной сфере.

Методологическая база исследования сформировалась в результате изучения и использования большого теоретического и практического материала, нормативно-правовых актов, официальных документов, литературных источников и публикаций. Это вызвало необходимость применения разнообразных методов исследования, в числе которых системный, конкретно-исторический, структурно-функциональный,

поисковый, а также метод сравнительного правоведения.

Структура работы продиктована целью и задачами исследования. Настоящая работа состоит из введения, трех разделов, заключения, списка использованных источников.

1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1.1 Конституционные основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации

Конституционные основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации сформированы на основе ряда принципов, закреплённых в Основном законе страны. В частности, Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, декларирует фундаментальные положения, которые определяют светский характер государства и гарантируют свободу совести. Согласно статье 14 Конституции, Российская Федерация является светским государством, что подразумевает отделение религиозных объединений от государственной власти и равенство всех религий перед законом. Данный конституционный принцип исключает возможность установления какой-либо государственной или обязательной религии, тем самым обеспечивая равные условия для функционирования всех религиозных организаций. Этот правовой фундамент создает условия для гармоничного сосуществования различных конфессий в рамках светского государства, способствуя развитию демократических институтов и правового государства.

Конституционные нормы также обеспечивают защиту прав и свобод граждан в сфере религиозных убеждений и исповеданий. Статья 28 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого человека на свободу совести и свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Это положение служит важным элементом правовой системы, направленной на защиту индивидуальных прав и свобод, а также на поддержание общественного согласия и толерантности.

Вместе с тем, российское законодательство предусматривает определенные механизмы взаимодействия религиозных объединений с

государственными органами, которые направлены на регулирование и поддержку их деятельности в рамках правового поля. Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года конкретизирует положения Конституции и устанавливает правовые рамки для функционирования религиозных организаций, их регистрации, прав и обязанностей, а также взаимодействия с органами государственной власти. Этот закон обеспечивает правовую основу для деятельности религиозных объединений, создавая условия для их участия в общественной жизни и взаимодействия с государственными структурами.

Важной составляющей взаимодействия религиозных объединений и государства является кооперационная модель, которая складывается в современной России. Эта модель предполагает сотрудничество государства и религиозных организаций в различных сферах, таких как образование, социальная помощь, культурная деятельность и охрана историко-культурного наследия. Кооперационная модель взаимодействия позволяет учитывать интересы различных конфессий, обеспечивая их участие в общественно значимых проектах и инициативах, что способствует укреплению социального согласия и стабильности в многонациональной и многоконфессиональной стране.

Аксиологические исследования в современной публично-правовой науке получают все большее распространение. О возрастающем интересе ученых-конституционалистов к этой сфере свидетельствует число защищенных за последние 15 лет диссертаций, посвященных отдельным конституционным ценностям, роли конституционных ценностей в практике органов конституционной юстиции, системному осмыслению конституционных ценностей.

Тема ценностей, ценностных ориентиров актуальна не только в научном измерении, но и в контексте развития правовой системы. Если выявление и обоснование объективированных Конституцией Российской Федерации ценностей - задача конституционно-правовой науки, то наполнение этих

ценностей конкретным содержанием обеспечивается текущим законодательством, в первую очередь документами стратегического планирования. Только за последние три года в России принят целый ряд нормативных документов стратегического характера, которые содержат цели, коррелирующие с ценностями: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. В последнем документе в качестве принципа гуманитарной политики обозначается единство системы конституционных ценностей. В этой точке законодательство встречается с доктриной, поскольку вопросы: что представляет собой система конституционных ценностей, каким образом конституционные ценности могут быть формализованы для последующей систематизации и, главное, что есть конституционная ценность - решаются наукой конституционной аксиологии.

Конституционные ценности мы можем научно детерминировать не только как понятие или логическое обобщение, которое отражает наиболее значимые устойчивые свойства и признаки группы явлений конституционно-правовой действительности¹, но и в качестве научной категории, во-первых, отражающей класс взаимосвязанных феноменов и закономерности их существования, во-вторых, выступающей инструментом научного познания в конституционной аксиологии. Именно эти два компонента - гносеологическая инструментальность и закономерность в функциональности и взаимосвязи (конституционные ценности образуют динамичную систему) - позволяют идентифицировать конституционные ценности как научную категорию.

Признание того, что конституционные ценности выступают в науке конституционного права в качестве категории, позволяет восходить от абстрактного к конкретному, не только видеть в конституционных ценностях

1 Богданова Н.А. Система науки конституционного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2001. - С. 164.

«общетеоретический, доктринально-гносеологический» аспект, но и признавать их инструментальную природу. Согласимся, что конституционные ценности в практическом измерении есть «инструмент выработки конституционно-правового решения». Однако признание категориальности конституционных ценностей требует методологически выверенного их дефинирования, ведь, как совершенно справедливо замечает профессор А.С. Автономов, «определение категорий имеет огромное значение для любой науки, поскольку именно с их помощью осуществляется процесс познания законов существования и развития конкретной действительности»¹. Вот почему определение понятия «конституционные ценности» - интеллектуальная задача, которую ставит перед собой каждый исследователь конституционно-аксиологической проблематики. Неслучайно важным положением на защиту во многих диссертациях, посвященных различным аспектам теории конституционных ценностей, выносится авторская дефиниция ключевой категории.

Очевидно, что *a priori* конституционно-аксиологического исследования формулирование дефиниции является не хорошим тоном, а научной необходимостью, поскольку от смыслового наполнения ключевой категории зависит достижение цели исследования. Важное наблюдение: авторские дефиниции предлагаются если не *ad hoc*, то в тесной связи с контекстом - объектом исследования.

Безусловно, подход к конструированию дефиниции конституционных ценностей должен учитывать цель исследования и его задачи. Вместе с тем надлежит соблюдать определенный алгоритм дефинирования. В первую очередь определить оптимальное родовое понятие или группу понятий, далее обозначить источник, в котором конституционные ценности формализованы, в завершение указать на предназначение: зачем нужны конституционные ценности? Сконструированное таким образом определение будет отвечать

1 Автономов А.С. Системность категорий конституционного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 78.

критерию полноты, раскрывая грани феномена конституционных ценностей благодаря ответам на три вопроса: «что?» (родовое понятие), «откуда (где)?» (источник) и «для чего (зачем)?» (функциональное назначение).

Так или иначе, при выборе родовых категорий используется не формально-юридическая позитивистская оптика, а скорее философская, что указывает и на происхождение категории (аксиология как часть философии), и на производность конституционных ценностей от ценностей социальных. Несмотря на разнообразие общеправовых родовых понятий, научная конвенциональность обнаруживается в оценке конституционных ценностей как объективно существующих положительно окрашенных явлений правовой действительности, авторами подчеркивается их значимость и универсальный характер как общественных идеалов, целей, стандартов, по поводу которых общество пришло к консенсусу, что позволило интегрировать их в Конституцию. Согласимся с В.В. Комаровой, что объективный характер конституционных ценностей предопределен тем, что они «воплощают общие универсальные значимости»¹. Одновременно конституционные ценности есть результат оценки позитивирующим субъектом (народом, принимающим конституцию) определенных социально значимых благ с точки зрения их роли. Если бы объективно существующие явления, даже с самой положительной коннотацией, не получали бы социальную оценку, они не могли бы стать конституционными ценностями. Более того, безоценочно невозможно установить положительный или отрицательный характер явления. Например, демократическая государственность признается конституционной ценностью, поскольку народовластие как объективное явление получило положительную общественную оценку. Общерегулятивная конституционно-правовая норма (ст. 1 Конституции РФ), в которой Россия детерминирована как демократическое государство, фактически зафиксировала конституционную ценность, придав ей характер

¹ Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития: Монография / Отв. ред. В.В. Комарова, Г.Д. Садовникова. - М.: Норма; Инфра-М, 2017. - С. 173.

перспективной стратегической цели, к которой надлежит всемерно стремиться. На этом примере видно, что Конституция реализует одновременно аксиологическую и телеологическую роль.

Конституционные ценности, с нашей точки зрения, это и приоритеты. Приоритет есть первенствующее положение, преобладающее, первоочередное значение. Такой статус получают ценностно наполненные положения конституции как документа особой юридической и социально-политической природы. Конституция является ценностью не только как инструмент формализации социальных ценностей, но и ввиду наличия особых юридических свойств: верховенство, высшая юридическая сила, особый порядок изменения, особая правовая охрана. Структура Конституции Российской Федерации «отражает первичность и производность тех или иных ценностных ориентиров, которые объективно существуют в обществе»¹. В частности, каждая из статей гл. 1 Конституции РФ содержит первообразные ценности, которые закономерно могут быть названы приоритетами государства и общества.

Наконец, конституционные ценности по своей природе близки к научной категории конституционных принципов, то есть принципов, формализованных Конституцией и выражающих ее исходные идеи, цели, основы конституционно-правового регулирования всех сфер жизни общества и государства, а также правового статуса личности. Например, такие принципы организации и деятельности государства, как социальность (ст. 7 Конституции РФ), принципы экономики свободного рынка (ст. 8 Конституции РФ), идеологический и политический плюрализм (ст. 13 Конституции РФ), «обуславливают возникновение представлений об идеальных моделях социального взаимодействия»² и способах оптимального правового регулирования общественных отношений на основе баланса публичных и

1 Таева Н.Е. Ценностное содержание и прямое действие конституционных норм // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. - 2014. - № 11. - С. 113.

2 Комарова В.В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. - 2015. - № 1 - 8. - С. 1385.

частных интересов.

Современная теоретико-правовая наука стоит на том постулате, что постановка знака равенства между понятиями источника и формы права не вполне оправдана, хотя и допускается, когда речь идет об источниках права в формально юридическом смысле. Потому, несмотря на наличие сторонников синонимизации форм права с источниками, в современной теории права, в частности в ее коммуникативном, интегративном изводе, этот вопрос сопровождается смысловая дихотомия. Предлагается дифференцировать понятия и под источником права понимать волю правотворческих субъектов, а форму рассматривать как способ внешнего выражения права или своего рода «резервуар, где находятся юридические нормы». Эта логика может быть использована и для решения задачи формализации конституционных ценностей, то есть установления их формальных источников и правовых форм.

К самостоятельной правовой форме конституционных ценностей могут быть отнесены решения Конституционного Суда РФ, содержащие правовые позиции. Обоснование их в качестве правовой формы вытекает из признания того, что не все конституционные ценности обнаруживают прямое текстуальное закрепление в нормах Конституции. Существуют имплицитные ценности, выявление и правовое обоснование которых производится в результате интерпретационной деятельности Конституционного Суда; это ценности, уже объективированные Конституцией, хотя и не выраженные буквально. Примерами ценностей, сгенерированных Конституционным Судом РФ, являются ценности правовой определенности, поддержания баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов правоотношений, стабильности и определенности правоотношений и иные.

Наконец, конституционно-правовая доктрина выступает в качестве особой формы конституционных ценностей. Речь идет об имплицитных и выявляемых в трудах ученых конституционных ценностях. Взяв в качестве опорного тезиса высказанную В.В. Комаровой идею о том, что конституционные ценности формируются в трудах ученых, обозначим, что в

науке не только получают теоретико-методологическое обоснование ценности, прямо обозначенные в конституции (прежде всего отдельные конституционные права и свободы), но также формулируются новые конституционные ценности. Справедливо заметить при этом, что единых критериев отнесения тех или иных конституционно значимых явлений к числу конституционных ценностей не существует, в результате чего массив имплицитных конституционных ценностей, получающих воплощение в научных работах, образует крайне эклектичный набор. Среди конституционных ценностей называются: порядок, плюрализм, индивидуальная автономия, уважение к суду, свободу совести и вероисповедания, светское государство.

Настоящий проблемный блок является, пожалуй, наиболее сложным и при этом праксиологическим. Сложносоставной характер проблемы систематизации конституционных ценностей можно предполагать из первых двух частей настоящей статьи: проблемы дефиниции и проблемы формализации.

Первым шагом на пути к систематизации является «составление некоего <...> списка ценностно-обоснованных явлений», однако представить себе полный и закрытый перечень конституционных ценностей практически невозможно, имея в виду, что значительная их доля обладает имплицитностью и получает правовую форму в нормативно-доктринальных и доктринальных источниках. В этом контексте конструктивизация исследования достигается за счет, во-первых, классификации и, во-вторых, поиска системообразующих компонентов, которые, отвечая критериям объективности, обоснованности и относительной стабильности, не только умозрительно, но и практически обеспечат целостность и непротиворечивость всей системе.

Относительно классификации в литературе встречается широкое разнообразие теоретико-методологических подходов: от простого перечисления, которое, по существу, классификацией не является, до попыток обобщить видовое многообразие ценностей в соответствии с различными

основаниями.

Автор также предлагает дифференцировать национальные и наднациональные конституционные ценности.

Н.Э. Несмеянова также подходит к классификации конституционных ценностей с точки зрения разных критериев, предлагая выделять ценности:

1) по видовому признаку: ценность человека, его прав и свобод; ценности, определяющие основы конституционного строя России, учитывая приоритет норм гл. 1 Конституции; ценности преамбулы и ценности иных глав Конституции;

2) по уровню правовой защиты («Ценности могут быть под защитой Конституции или международных договоров»¹);

3) исходя из интересов субъектов (ценности публичные и частные);

4) по уровню обобщенности (конкретные и абстрактные);

5) по объекту усвоения (материальные и процессуальные ценности);

6) по субъекту (личные, коллективные, общечеловеческие).

Этот подход пока вынесем за скобки, он будет полезен нам в дальнейшем, когда речь пойдет собственно о системе конституционных ценностей и системообразующих ценностях.

Предваряя конструирование системы посредством наполнения ее элементами, рассмотрим наиболее дискуссионный вопрос об иерархичности системы конституционных ценностей, основываясь на Конституции РФ.

Иерархия предполагает упорядоченность элементов в рамках четкой вертикальной структуры, наличие различных уровней: от высших к низшим и в известном смысле подчинение элементов, находящихся в нижней части пирамиды, вышестоящим элементам. Долгое время в литературе по конституционной аксиологии превалирующей оставалась точка зрения на

1 Несмеянова С.Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Legal Concept. - 2017. - № 4. - С. 73.

систему ценностей в Конституции РФ как иерархическую¹. Ключевым аргументом в этом подходе традиционно выступает статья 2 Конституции РФ, которая закрепляет, что высшей ценностью являются человек, его права и свободы. Логика следующая: если есть высшая ценность - есть и иерархия. Более подробное обоснование иерархии размывается крайне неубедительными попытками упорядочения остальных конституционных ценностей в последовательную и непротиворечивую вертикаль. В качестве решения предлагается либо вновь (как и в случае с классификацией) прибегнуть к методу простого перечисления, либо сгруппировать, а фактически классифицировать все остальные ценности, избрав предпочтительный критерий либо несколько критериев, о чем мы писали выше.

В этом контексте интерес представляет идея А.А. Кондрашева показать конституционные ценности как иерархию посредством следующей концептуальной классификации всех ценностей:

- 1) на «надконституционные» ценности (например, справедливость), которые не имеют нормативного содержания;
- 2) конституционные, фундаментальные ценности, относящиеся к основам конституционного строя;
- 3) «подконституционные» ценности, являющиеся производными от содержания фундаментальных ценностей, они обнаруживаются в ходе доктринального толкования;
- 4) ценности судебного истолкования (например, правовая определенность)².

В некотором смысле здесь наблюдается авторская интерпретация эксплицитных и имплицитных ценностей, но, строго говоря, собственно

1 Авдеев Д.А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. - 2020. - № 2 (22). - С. 73.

2 Кондрашев А.А. Конституционные ценности в современном Российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. - 2017. - № 1. - С. 6.

конституционными и одновременно эксплицитными, согласно этой модели, являются только ценности в рамках основ конституционного строя. Неужели все они (а не только статья 2), будучи фундаментальными, являются высшими или если, по логике автора, над ними располагаются «надконституционные» ценности, то какова в конечном счете иерархия конституционных ценностей?

Противоположной точкой зрения, получающей все больше сторонников среди исследователей в последние годы, является своего рода аннигиляция иерархии. Так, Ю.Ю. Ветютнев замечает, что «декларация о высшей ценности человека, его прав и свобод, опровергается самим конституционным текстом», поскольку если бы человек, его права и свободы действительно были высшей ценностью, их ограничение в пользу иных благ (речь о ст. 55 Конституции) было бы невозможно, а значит, сама идея иерархии конституционных ценностей крайне неудачна. А Е.В. Виноградова пишет: «Все ценности, определяемые как конституционные, имеют одинаково высокий статус»¹, в другой работе автор обосновывает позицию о равенстве элементов единой системы конституционных ценностей². Вместе с тем справедливо заметить, что, отрицая иерархический характер системы и подчеркивая казуальность при выявлении значимости («степени ценности»), автор не предлагает альтернативную модель.

Безусловно, конституционные ценности не существуют в атомарном измерении. Явления правовой действительности, которые тем или иным способом обретают форму и могут быть аксиологически обоснованы, составляют не случайный набор, они образуют систему, однако иерархичность не является ее ключевым свойством, хотя и не может быть отринута совершенно. Согласимся, что наличие в Конституции РФ как минимум одной ценности, названной высшей, задает некую вертикальность системе. Кроме того (это свойственно многоуровневым нелинейным системам), в

1 Виноградова Е.В. К вопросу об иерархии системы конституционных ценностей // Образование и право. - 2022. - № 2. - С. 150.

2 Виноградова Е.В. Конституционные ценности - система без иерархии // Юридическая наука: история и современность. - 2022. - № 3. - С. 78.

аксиологической композиции Конституции ценности, во-первых, находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности и, во-вторых, не могут подменять одна другую, а должны сосуществовать в балансе. Такие системы не предполагают линейного подчинения, четкой субординации ценностей, однако само существование системы не было бы возможным без наличия краеугольных, или системообразующих, элементов (ценностей).

Возвращаясь к вопросу о модели системы конституционных ценностей Российской Федерации, отметим открытость каталога ценностей и связь его наполнения с актуальной правовой реальностью, обусловленной историческим и социально-политическим контекстом. Важным фактором наполнения этого каталога со стороны эксплицитных ценностей является преобразование конституционного текста. Так, нельзя не принять во внимание, что по итогам конституционной реформы 2020 г. перечень закрепленных нормами Конституции РФ ценностей пополнился такими объектами конституционной защиты, как память и идеалы предков, вера в Бога, память защитников Отечества, подвиг народа при защите Отечества, историческая правда, тысячелетняя история, преемственность в развитии страны, в частности правопреемство от Советского Союза, государственное единство, дети как приоритет государственной политики (ст. 67.1); благосостояние граждан, взаимное доверие государства и общества, уважение человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность (ст. 75.1) и пр. Заметим, что, хотя многие из обозначенных понятий нуждаются в критическом междисциплинарном осмыслении научным сообществом и социальной легитимации в их восприятии (в противном случае они могут сыграть не солидаризирующую, а разъединяющую роль), эти понятия со всей очевидностью обладают ценностным зарядом. По крайней мере, в аксиологическом наполнении указанных явлений и их конституционализации состояла одна из целей конституционной реформы.

С точки зрения расширения каталога ценностей посредством артикуляции имплицитных ценностей большая роль принадлежит Конституционному Суду РФ. Выявляя конституционно-правовой смысл положений Конституции, Суд формулирует ценности, вытекающие из «духа конституции» и обусловленные общественно-политической повесткой. Например, в получившем резонанс Определении от 30.05.2023 № 1398-О Суд именует конституционной ценностью «государство, образованное многонациональным народом Российской Федерации в определенных им параметрах», а также подчеркивает, что ценностями являются правопорядок, общественный порядок и безопасность. Очевидно, в конкретной рассматриваемой правовой позиции конституционные ценности, инспирированные публичными интересами, одержали верх над ценностями частного характера - субъективными правами человека, которые согласно ст. 2 Конституции, как и сам человек, являются высшей ценностью (по мнению заявителя, оспариваемой нормой законодательства нарушались, в частности, права на свободу совести, мысли и слова, свободу собраний, принцип равенства и запрет дискриминации).

Рассмотренное позволяет утверждать о потенциальной множественности иерархий конституционных ценностей или гетерархичности системы конституционных ценностей. Не только практика конституционного судопроизводства, но и сам текст Конституции свидетельствует в пользу данного вывода. Так, пункт 3 ст. 55 Конституции гласит, что права и свободы человека и гражданина (суть высшая ценность) при соблюдении определенных условий могут быть ограничены в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В этом отношении В.В. Комарова замечает, что «устанавливая правило, согласно которому существует возможность ограничения всех прав и свобод человека и гражданина <...> в той мере, в какой это необходимо в

целях защиты»¹ иных благ, конституционный законодатель относит последние в разряд конституционных ценностей.

В конституционной аксиологии эти блага предлагается именовать приоритетными ценностями².

Подводя итог рассмотрению проблематики систематизации конституционных ценностей, представим собственное системы ценностей в Конституции РФ, которая включает:

- 1) ценности конституционной преамбулы;
- 2) системообразующие ценности (содержатся в нормах гл. 1), а также ценности, содержащиеся в имеющих концептуальное аксиологическое наполнение общерегулятивных и конкретно-регулятивных нормах иных глав Конституции;
- 3) приоритетные ценности - объекты конституционной защиты, названные в ст. 55 в качестве благ, в пользу которых допускается ограничение прав и свобод человека (высшей ценности);
- 4) имплицитно содержащиеся в конституционных нормах ценности, получающие правовую форму в нормативно-доктринальных и доктринальных источниках.

Даже системообразующие ценности, несмотря на особую юридическую жесткость норм гл. 1 Конституции РФ, не являются категорически неизменяемыми: глава 9 содержит соответствующий механизм пересмотра Конституции.

Действительно, «не все «вечное» - неизменно»³, и масштабная реформа 2020 г., результатом которой стали 206 поправок, внесенных в конституционный текст, в будущем, возможно, будет рассматриваться лишь в качестве трамплина к новой конституции. Дискуссии об этом идут сегодня и

1 Социальное благополучие человека: правовые параметры: Сборник статей / Отв. ред. В.В. Комарова. - М.: Норма; Инфра-М, 2020. - С. 34.

2 Арбузкин А.М. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью? // Конституционное и муниципальное право. - 2016. - № 2. - С. 18.

3 Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. - 2020. - № 6. - С. 21.

заслуживают пристального внимания и неравнодушного участия профессионального сообщества. Принятие новой конституции, в свою очередь, является закономерным следствием коренных изменений в социально-политической жизни страны, связано с переоценкой приоритетов, целей, принципов развития государства и общества и неизбежно ведет к трансформации системы конституционных ценностей.

Конституционные ценности, о которых идет речь в исследовании, играют ключевую роль в формировании и реализации государственной политики, в том числе в сфере взаимодействия с религиозными объединениями. В этом контексте ценности, закрепленные в Конституции Российской Федерации, такие как свобода совести и вероисповедания, светский характер государства, права человека и гражданина, определяют правовые и этические рамки для взаимодействия религиозных организаций и государства.

Свобода совести и вероисповедания закреплена в статье 28 Конституции РФ, и эта ценность является фундаментальной для обеспечения права граждан на свободу религии. Это право напрямую влияет на отношения между государством и религиозными организациями, обеспечивая их автономность и самостоятельность.

Светский характер государства, предусмотренный статьей 14 Конституции РФ, подразумевает, что религиозные объединения отделены от государства и не вмешиваются в государственные дела. Это важная конституционная ценность, которая обеспечивает равноправие всех религиозных объединений перед законом и предотвращает доминирование какой-либо религиозной организации.

1.3 Правовые основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации

Правовые основы взаимодействия религиозных объединений и органов

государственной власти в Российской Федерации формируют основу для урегулирования отношений между государством и различными конфессиями. Эти правовые нормы закреплены в Конституции Российской Федерации, федеральных законах и подзаконных актах, создавая комплексную систему регулирования, направленную на обеспечение свободы совести, равенства всех религий перед законом и гармоничного сосуществования различных религиозных объединений в светском государстве. Конституция Российской Федерации, провозглашая принципы светскости и равноправия, закладывает фундаментальные правовые положения, которые дополняются и конкретизируются законодательством о свободе совести и религиозных объединениях. Эти правовые акты устанавливают правила и процедуры, определяющие правовой статус религиозных организаций, их взаимодействие с государственными органами, права и обязанности как религиозных объединений, так и государственных структур. Такая правовая база призвана способствовать развитию конструктивного диалога между государством и религиозными институтами, обеспечивая баланс интересов и поддержку стабильности в многоконфессиональном обществе¹.

Стратегические национальные приоритеты Российской Федерации - важнейшее направление обеспечения национальной безопасности. Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, к числу таких приоритетов отнесены в том числе: сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; научно-технологическое развитие; экологическая безопасность и рациональное природопользование; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти и др.

Российские некоммерческие организации (НКО) играют ключевую роль

¹ Рыбакова О.С. Правовой статус религиозных объединений в Российской Федерации // Российская юстиция. - 2023. - № 10. - С. 73.

в гражданском обществе, осуществляя свою деятельность в указанных областях или в смежных с ними сферах. Эти организации действуют в различных аспектах человеческой жизнедеятельности, таких как охрана природы, защита интересов несовершеннолетних, и другие. НКО также неотъемлемо связаны с религиозной жизнью, так как религиозные организации являются организационно-правовой формой НКО.

Согласно пункту 1 статьи 65.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, относятся к унитарным юридическим лицам, к числу которых включены и религиозные организации. Федеральным законом от 5 апреля 2021 года № 68-ФЗ в Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» внесены изменения, целью которых является приведение его терминологии в соответствие с ГК РФ.

Хотя гражданско-правовое положение религиозных организаций определяется в том числе и ГК РФ, его нормы применяются к религиозным организациям, если иное не установлено Федеральным законом № 125-ФЗ, который регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений и особенности их гражданско-правового статуса. В соответствии с пунктом 1 статьи 123.26 ГК РФ, религиозными организациями признаются добровольные объединения граждан Российской Федерации или иных лиц, проживающих на территории страны на законных основаниях, образованные для совместного исповедания и распространения веры и зарегистрированные в установленном законом порядке в качестве юридического лица (местная религиозная организация), а также объединения этих организаций (централизованная религиозная организация) и созданные ими руководящие или координирующие органы.

Если рассматривать религию с исторической стороны, то она на протяжении всей человеческой жизни остается важной ее составляющей. С

каждым годом роль данного института все больше возрастает и не только потому, что она включает в себя социальные нормы, ценности, верования, стандарты поведения, но и потому, что является некой системой сдержек и противовесов в такой межконфессиональной жизни.

Между государством и религиозными объединениями существует различная степень сотрудничества, которая отличается своей спецификой ввиду политических, культурных, исторически сложившихся особенностей, количества последователей данной религии в стране, а также социальной позиции той или иной конфессии.

Названное взаимодействие происходит на постоянной основе в связи с тем, что подавляющее большинство граждан Российской Федерации являются верующими. И именно это позволяет религиозным объединениям принимать участие в различных сферах жизни общества.

Государство преимущественно сотрудничает с традиционными религиозными конфессиями, заключая договоры и соглашения о сотрудничестве на федеральном уровне (между федеральными органами исполнительной власти и централизованными религиозными организациями) и на муниципальном уровне (между органами власти субъектов Российской Федерации и религиозными организациями в регионах). Это сотрудничество способствует гармоничному развитию общества и поддержанию национальной безопасности, учитывая значительную роль религиозных объединений в жизни страны.

Заключенные договора или соглашения создают правовую основу для всестороннего сотрудничества между государством и религиозными организациями.

В частности, такие договора, заключенные на региональном уровне, нашли свое отражение в Постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 11 августа 2016 г. № 681 «Об одобрении проекта соглашения о сотрудничестве между Правительством Санкт-Петербурга и централизованной религиозной организацией «Духовное управление мусульман Санкт-Петербурга и Северо-

Западного региона России», Соглашении о Сотрудничестве между Комитетом Санкт-Петербурга по делам Арктики и религиозной организацией «Нарьян-Марская Епархия Русской православной церкви (Московский Патриархат)» и т.д.

На федеральном уровне также заключены договора о сотрудничестве между органами Федеральной службы исполнения наказаний, структурами Вооруженных Сил Российской Федерации и Русской православной церковью, а также с другими конфессиями. Эти договоры регламентируют организацию пастырской работы священнослужителей в местах лишения свободы и в воинских частях, что положительно сказывается на социальной сфере. С помощью религиозных организаций восстанавливается культурное наследие страны, а также поддерживаются национальные обычаи, характерные для различных регионов.

Государство оказывает поддержку религиозным организациям в социально значимой деятельности, связанной с уходом за престарелыми, больными, сиротами и другими формами благотворительности. Поддержка также включает предоставление различных льгот, таких как освобождение от уплаты налогов и сборов в период борьбы с распространением коронавирусной инфекции. В 2021 году Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2021 года № 1513 утверждены правила предоставления субсидий из федерального бюджета субъектам малого и среднего предпринимательства и социально ориентированным некоммерческим организациям, включая религиозные, в муниципальных образованиях, пострадавших от пандемии.

Помимо этого, государство реализует такие формы поддержки религиозных организаций, как предоставление различных льгот. Так, например, для снижения налоговой нагрузки некоторые виды налогоплательщиков, к ним также отнесены и религиозные организации, в период борьбы с распространением коронавирусной инфекции были освобождены от уплаты налогов и сборов за отчетные налоговые периоды,

относящиеся ко II кварталу 2020 г¹.

В 2021 г. Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2021 г. № 1513 утверждены Правила предоставления в 2021 г. из федерального бюджета субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства и социально ориентированным некоммерческим организациям, ведущим деятельность в муниципальных образованиях, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции. Что также коснулось и религиозных организаций.

Государство оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в части предоставления им земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для строительства и последующего использования культовых зданий, а также реставрации, содержания и охраны зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры.

Если говорить о самом порядке регистрации некоммерческих организаций, в частности религиозных организаций, то эти вопросы отнесены к компетенции Минюста России в соответствии с Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации в 2004 г.

Данные полномочия осуществляются в соответствии с Федеральным законом № 125-ФЗ и Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее - Федеральный закон № 114-ФЗ).

Минюст России принимает активное участие в выстраивании эффективных государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации.

По состоянию на 1 января 2021 года в ведомственном реестре Минюста

1 Шустров Д.Г. Теория двуединого предмета конституционного права в свете конституционализации российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. С. 2.

России насчитывается более 30 тысяч религиозных организаций. Документы, поступающие на государственную регистрацию, проходят тщательную проверку, направленную на пресечение нарушений законодательства, включая противодействие экстремизму. Контроль за деятельностью религиозных организаций осуществляется на принципах законности, открытости и невмешательства в их внутренние дела.

Органы юстиции регулярно проверяют деятельность религиозных организаций, чтобы выявлять нарушения, такие как осуществление видов деятельности, не соответствующих типу организации, или наличие запрещенной литературы. Нарушения влекут за собой административные штрафы, предупреждения, ликвидацию организации и внесение руководителей в списки лиц, причастных к экстремистской деятельности.

Минюст России также присутствует на мероприятиях религиозных организаций, проводит текущий мониторинг и анализ отчетов, что способствует обеспечению законности их деятельности. В нормативной правовой базе учтены все особенности ведения деятельности некоммерческих организаций, но требуется регулярная корректировка законодательства в соответствии с изменяющимися условиями.

Минюст России разрабатывает законопроекты и другие нормативные акты для урегулирования правоотношений с участием заинтересованных министерств, ведомств и религиозных организаций. Совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия с органами прокуратуры и другими надзорными органами способствует росту духовного самосознания и развитию человеческого потенциала общества.

Также необходимо усилить государственный контроль за прозелитической деятельностью, так как в этой сфере часто допускаются нарушения, создающие предпосылки для межрелигиозных конфликтов. Административная ответственность за такие правонарушения, предусмотренная статьями 5.26 КоАП РФ, требует ужесточения, чтобы санкции стали более значимыми и эффективными.

Таким образом, правовые основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации направлены на поддержание гармонии и законности в межконфессиональных отношениях, развитие социально значимой деятельности религиозных организаций и укрепление духовно-нравственных основ общества.

2 ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1 Правовой статус органов государственной власти в свете реализации конституционного принципа светского государства

Правовой статус органов государственной власти в контексте реализации конституционного принципа светского государства представляет собой ключевую область исследования, требующую глубокого анализа и всестороннего понимания. В свете конституционного принципа светскости, закрепленного в статье 14 Конституции Российской Федерации, органы государственной власти обязаны действовать вне рамок религиозных и философских доктрин, обеспечивая нейтральность и беспристрастность в своих решениях и действиях. Этот принцип означает, что государство и его органы не могут отдавать предпочтение какой-либо религии или философии, а также не могут устанавливать государственную или обязательную религию.

Реализация данного принципа требует тщательного правового регулирования и контроля за деятельностью государственных органов, чтобы гарантировать соблюдение светского характера государства. Это включает в себя разработку и принятие нормативных актов, регламентирующих деятельность государственных органов, а также механизмов мониторинга и контроля за их соблюдением. Государственные органы должны функционировать в строгом соответствии с законодательством, обеспечивая равноправие всех религиозных объединений и граждан, независимо от их религиозных или философских убеждений.

Важной составляющей правового статуса органов государственной власти является их обязанность по обеспечению свободы совести и вероисповедания, что закреплено в статье 28 Конституции Российской Федерации. Это положение требует от государственных органов создания условий для свободного исповедания любой религии или отказа от неё, а также для распространения религиозных и иных убеждений без каких-либо ограничений или дискриминации. В этой связи, органы государственной власти должны не только избегать любого вмешательства в религиозную сферу, но и активно способствовать созданию правовых и организационных условий для реализации гражданами своих конституционных прав на свободу совести и вероисповедания.

Конституционный принцип светского государства также налагает на органы государственной власти обязательства по предотвращению и пресечению любых форм дискриминации на религиозной почве. Это включает в себя разработку и внедрение антидискриминационного законодательства, проведение образовательных и информационных кампаний, направленных на повышение уровня толерантности и взаимного уважения в обществе, а также оперативное реагирование на случаи нарушения прав граждан на основе их религиозных убеждений. Органы государственной власти обязаны обеспечивать эффективное функционирование правовых механизмов, направленных на защиту прав и свобод граждан в сфере религиозных отношений, что требует постоянного совершенствования правоприменительной практики и учета лучших международных практик в этой области.

Следует отметить, что реализация принципа светскости не исключает взаимодействие государства с религиозными объединениями в рамках правового поля. Органы государственной власти могут заключать соглашения о сотрудничестве с религиозными организациями в таких областях, как социальная поддержка, благотворительность, охрана культурного и исторического наследия, что находит отражение в практике заключения соглашений на федеральном и региональном уровнях. Эти соглашения должны основываться на принципах равноправия и взаимного уважения, не нарушая при этом светский характер государства и обеспечивая соблюдение законодательства Российской Федерации.

Правовой статус органов государственной власти в Российской Федерации, в свете реализации конституционного принципа светского государства, основывается на необходимости строгого соблюдения нейтральности и беспристрастности в отношении религии, активного обеспечения свободы совести и вероисповедания, предотвращения дискриминации на религиозной почве, а также возможности конструктивного взаимодействия с религиозными объединениями в рамках правового поля. Эти

аспекты требуют постоянного внимания и совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики, что является важным условием для поддержания социальной гармонии и стабильности в многоконфессиональном российском обществе.

Конституция РФ провозглашает Российскую Федерацию светским государством, в котором религиозные объединения отделены от государства (ст. 14). Между ними должно быть проведено четкое различие и запрет вмешательства в дела друг друга.

В Постановлении от 15 декабря 2004 года № 18-П Конституционный Суд Российской Федерации признал соответствующим Конституции РФ запрет на создание политических партий по признакам национальной или религиозной принадлежности. Обосновывая свой вывод, Конституционный Суд подчеркнул, что конституционный принцип светского государства и отделения религиозных объединений от государства предполагает, что государственные органы и должностные лица, а также органы и должностные лица местного самоуправления не имеют права вмешиваться в законную деятельность религиозных объединений или возлагать на них выполнение функций органов государственной власти и органов местного самоуправления. Со своей стороны, религиозные объединения также не вправе вмешиваться в дела государства, участвовать в формировании и выполнении функций государственных органов и органов местного самоуправления, участвовать в деятельности политических партий и политических движений, оказывать им материальную и иную помощь, а также участвовать в выборах посредством агитации и публичной поддержки тех или иных политических партий или отдельных кандидатов.

Конституционный Суд отметил, что приверженцы различных вероисповеданий, включая священнослужителей, имеют право, наряду с другими гражданами, участвовать в народном волеизъявлении путем голосования. Граждане, исповедующие ту или иную религию, обладают свободой выбора и выражения своих политических убеждений и интересов,

могут принимать решения и осуществлять соответствующую деятельность, но не в качестве членов религиозных объединений, а непосредственно как граждане или члены политических партий. Это положение подчеркивает, что в Российской Федерации как демократическом и светском государстве религиозные объединения не могут заменять собой политические партии. Религиозные объединения должны оставаться надпартийными и неполитичными, в то время как партии, по своей природе, не могут быть религиозными организациями и должны быть внеконфессиональными.

Партии, исходя из своего политического предназначения, создаются не для выражения и защиты религиозных интересов. Для этих целей могут создаваться соответствующие общественные объединения в других организационно-правовых формах, установленных законом. Конституционный Суд тем самым подтвердил, что в России существует четкое разделение между религиозной и политической сферами, что является важной частью реализации принципа светского государства. Это разграничение способствует сохранению нейтральности и беспристрастности государственных институтов, а также предотвращает возможные конфликты, связанные с религиозной принадлежностью. В результате правоприменительная практика формируется таким образом, чтобы гарантировать соблюдение конституционных принципов светского государства и равенства всех граждан перед законом, независимо от их религиозных убеждений¹.

Также использование политической партией в своем наименовании слов и выражений, имеющих прямое отношение к какой-либо религии или национальности, непосредственно связывается с соответствующими идеологическими установками, программными принципами и целями. Понятия «христианский», «мусульманский», «православный», «католический» и т.п. очевидно связаны с религией, имеют религиозный

1 Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Проблема взаимоотношений человека и государства в теории правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2011. - № 2. - С. 34.

смысл, отражают именно религиозные чувства, интересы и ценности¹. Поэтому наличие соответствующих терминов в наименовании партий, при всех попытках аргументировать их нерелигиозную направленность, тем не менее в массовом сознании будет ассоциироваться с догматами той или иной религии, т.е. восприниматься как приверженность партии одному из вероучений, и переноситься на сферу политической борьбы, в т.ч. по национальному вопросу. Недопущение использования в наименованиях политических партий слов и выражений, имеющих прямое отношение к какой-либо религии, церкви или национальности, является производным от запрета на создание и деятельность партий по религиозному и национальному признаку. И в условиях многоконфессионального и многонационального общества имеет целью обеспечить «прозрачность» их участия в политической жизни, а также свободу совести и соблюдение принципа демократического и светского государства и отделения церкви от государства.

2.2 Правовой статус религиозных объединений в свете реализации конституционного принципа свободы совести и вероисповедания

Правовой статус религиозных объединений в Российской Федерации непосредственно связан с реализацией конституционного принципа свободы совести и вероисповедания, закрепленного в статье 28 Конституции Российской Федерации. Этот принцип, будучи одной из основополагающих ценностей российского конституционного строя, обеспечивает каждому гражданину право исповедовать любую религию или не исповедовать

1 Дородонова Н.В. Вопросы совместного участия государства и Церкви в защите прав человека // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: Сб. науч. тр. по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 27 - 28 мая 2022 года. - Саратов, 2022. - С. 278.

никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, а также действовать в соответствии с ними. Конституционное признание свободы совести и вероисповедания отражает стремление государства обеспечить максимально благоприятные условия для духовного и морального самоопределения личности, защищая при этом общественный порядок и безопасность.

В контексте данного принципа религиозные объединения рассматриваются как особая форма общественных объединений, целью которых является удовлетворение духовных потребностей граждан, а также распространение и поддержание вероучения. Важность правового регулирования религиозных объединений заключается в создании правовых рамок, которые позволяют религиозным организациям свободно осуществлять свою деятельность, не нарушая при этом прав и свобод других граждан и не создавая угрозу общественной безопасности. Законодательство Российской Федерации предоставляет религиозным объединениям широкий спектр прав и обязанностей, регулируя их деятельность с учетом как внутреннего, так и международного правового опыта.

Реализация конституционного принципа свободы совести и вероисповедания на практике требует от государства выработки четких и справедливых норм, которые бы обеспечивали баланс между свободой религиозных объединений и необходимостью поддержания общественного порядка и безопасности. Важную роль в этом процессе играют акты конституционного правосудия, которые разъясняют и конкретизируют конституционные нормы, а также законодательные инициативы, направленные на адаптацию правового статуса религиозных объединений к меняющимся социально-экономическим условиям. В совокупности эти меры способствуют укреплению правового государства и развитию гражданского общества, в котором религиозные объединения занимают достойное место и могут в полной мере реализовать свой потенциал в рамках правового поля.

Конституционно-правовой статус определяет Российскую Федерацию

как светское государство, что означает недопустимость установления какой-либо религии в статусе государственной или обязательной, а также отделение религиозных объединений от государства. По справедливому утверждению С.А. Авакьяна, это предполагает, во-первых, отделение государства от религиозных объединений, во-вторых, отсутствие какой-либо религии «в ранге государственной», в-третьих, предоставление гражданам полной свободы выбора религиозного вероисповедания или отказа от такового¹. Приведенное понимание светского государства разделяется и другими учеными².

Статус светского государства предоставляет его гражданам право на свободный выбор конфессионального самоопределения и на исповедание любой религии, включая право на распространение своих религиозных убеждений, а также право на полный отказ от исповедания какой-либо религии, что закрепляется в положениях статьи 28 Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации, анализируя содержание этих прав, указал, что религиозная свобода является одной из важнейших форм духовно-нравственного самоопределения личности и внутренним делом каждого человека. Это право гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, включая возможность исповедовать любую религию индивидуально или совместно с другими, а также право не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Комплекс конституционных норм Российской Федерации формирует фундаментальный правовой статус религиозных объединений. Эти нормы закрепляют основные принципы взаимодействия между религиозными объединениями, личностью, обществом и государством. Важную роль в этом взаимодействии играют исторические традиции, политический режим,

1 Авакьян С.А. Конституционное право России: В 2 т. - М., 2020. - С. 385.

2 Осавелюк А.М. Светское государство и изменения 2020 года в Конституции России // Енисейские политико-правовые чтения: Сб. науч. ст. по материалам XIII Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск, 25 - 26 сентября 2020 года. Вып. V. - Красноярск, 2020. - С. 253

уровень социально-экономического развития, зрелость гражданского общества и степень правовой культуры. Таким образом, конституционные нормы обеспечивают правовую основу, способствующую гармоничному сосуществованию различных религиозных объединений и обеспечивающую соблюдение прав и свобод граждан.

Конституция Российской Федерации строго запрещает создание и деятельность любых общественных объединений, включая религиозные, если их цели или действия направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, подрыв государственной безопасности или разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти. Этот запрет, изложенный в части 5 статьи 13 Конституции, отражает стремление государства защитить общественный порядок и стабильность. В данном контексте религиозные объединения должны соблюдать установленные правовые рамки и действовать в соответствии с законодательством, что позволяет избежать нарушений прав и свобод граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что запрет на создание и деятельность общественных объединений, направленных на подрыв конституционного строя, является мерой по предотвращению легализации сект и иных религиозных группировок, чья деятельность нарушает права человека и включает противоправные деяния. Эта норма направлена на защиту общества от экстремистских и террористических угроз, обеспечивая правовой механизм для контроля и регулирования деятельности религиозных объединений. Таким образом, конституционные нормы способствуют поддержанию общественной безопасности и правопорядка, гарантируя защиту прав и свобод граждан в многоконфессиональном государстве.

Мнение Т.Ф. Акчурина о том, что российская Конституция кардинально изменила отношения между государством и религиозными объединениями, заслуживает внимания. Конституция определила новый вектор развития

взаимоотношений государства и религиозных объединений, обозначив правовой статус последних как базовых общественных институтов, распространяющих вероучение среди населения и взаимодействующих с государством на паритетных началах. Такая модель взаимодействия трансформировалась на протяжении российской истории. Более века назад Н.М. Коркунов отмечал, что деятельность религиозных объединений не ограничивается только сферой религиозных отношений, но также затрагивает государственные и общественные интересы, что обуславливает необходимость государственного регулирования этих отношений. Современные ученые подчеркивают дихотомию в отношениях между государством и религиозными объединениями, отражающую их сложную диалектическую взаимосвязь, включающую взаимопроникновение, сотрудничество и взаимозависимость, с человеком как субъектом права в центре этих отношений.

Свобода вероисповедания, реализуемая в форме объединения последователей того или иного вероучения для проведения совместных молитв, религиозных обрядов и других мероприятий, неразрывно связана с другими правами и свободами, закрепленными российской Конституцией (ст. 27, 29, 30 и 31), прежде всего с правом на объединение и правом на свободу собраний, которое, как неоднократно подчеркивал в своих решениях Конституционный Суд РФ, является одним из основополагающих и неотъемлемых элементов правового статуса личности в демократическом и правовом государстве.

Закрепленное Конституцией Российской Федерации (статья 30) право на объединение является одной из ключевых ценностей, на которых основано общество и государство, функционирующее на принципах верховенства права и демократии. Это право, как отмечено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 26-П, находится в тесной взаимосвязи с другими положениями Конституции, провозглашающими Россию светским государством. В данном контексте никакая религия не может быть

установлена в качестве государственной или обязательной, что обеспечивает возможность создания религиозных объединений для реализации свободы вероисповедания и права каждого объединяться с другими для исповедания своей религии.

Свобода вероисповедания и право на объединение предполагают различные формы взаимодействия верующих, которые имеют существенное общественное значение. Реализация этих прав способствует укреплению гражданского общества, поддержанию культурного и религиозного разнообразия, а также созданию условий для свободного выражения религиозных убеждений. Таким образом, конституционные нормы, закрепляющие право на объединение и свободу вероисповедания, играют важную роль в обеспечении духовной и социальной гармонии в многоконфессиональном обществе, способствуя развитию правового государства и демократических институтов.

В развитие конституционных положений действующий порядок правового регулирования определяет религиозные объединения в статусе некоммерческих организаций (далее - НКО), что закрепляется целым рядом нормативных правовых актов: Гражданским кодексом Российской Федерации (далее - ГК РФ) - основополагающим кодифицированным актом в системе источников правового регулирования деятельности НКО, а также Федеральными законами от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее - Федеральный закон об НКО) и от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее - Федеральный закон о свободе совести).

Следует констатировать, что Федеральный закон об НКО не разграничивает статус религиозных организаций и религиозных объединений, рассматривая их как синонимичные понятия. Согласно части 1 статьи 6 религиозными организациями (объединениями) признаются добровольные объединения граждан, в установленном законом порядке объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных

нематериальных потребностей. Часть 4 этой же статьи содержит отсылочную норму на Федеральный закон о свободе совести, который является специальным в сфере регулирования особенностей правового статуса религиозных организаций. Вместе с тем, по своему конституционно- и гражданско-правовому статусу, религиозные организации не могут приравниваться к религиозным объединениям и соотносятся с ними как часть и целое. Указанная коллизия правовых норм требует пересмотра и внесения соответствующих изменений в законодательство.

Следует отметить, что деятельность религиозных объединений не регулируется Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», несмотря на то что, согласно положениям статьи 1, предметом регулирования данного закона являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на объединение. Этот закон определяет содержание права граждан на объединение, основные государственные гарантии этого права, статус общественных объединений, а также особенности правового положения общественных объединений, являющихся юридическими лицами. Однако, в статье 7, где перечислены организационно-правовые формы общественных объединений (общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности, политическая партия), религиозные объединения не указаны.

Отсутствие упоминания религиозных объединений в перечне организационно-правовых форм общественных объединений создает правовую неопределенность, особенно в правоприменительной практике. Это противоречит положениям Федерального закона о свободе совести и о религиозных объединениях, который четко определяет статус религиозного объединения как «добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного

исповедания и распространения веры». Таким образом, несмотря на общие положения Федерального закона «Об общественных объединениях», регулирование деятельности религиозных объединений требует отдельного правового подхода, который учитывает их специфические цели и особенности функционирования.

Правовая неопределенность, возникающая из-за не включения религиозных объединений в перечень общественных объединений, подчеркивает необходимость пересмотра и корректировки законодательства. Это позволит устранить противоречия и обеспечить единообразие в правовом регулировании деятельности всех видов объединений граждан, включая религиозные. Такой подход будет способствовать более точному и справедливому применению норм права, что в свою очередь укрепит правопорядок и защиту прав и свобод граждан в сфере религиозных отношений.

По своему конституционно-правовому статусу религиозные объединения обладают равенством прав и обязанностей, что закрепляется конституционными положениями (часть 4 статьи 13, часть 2 статьи 14, части 1 и 2 статьи 19, часть 1 статьи 30 Конституции Российской Федерации). Это равенство находит отражение в их праве на создание и осуществление деятельности, в обязанности соблюдать нормы законодательства и нести ответственность за их нарушение, а также в праве на защиту законом и судом независимо от конфессиональной принадлежности. Эти положения подчеркивают, что религиозная свобода является одной из важнейших форм духовно-нравственного самоопределения личности и внутренним делом каждого, гарантируя в качестве одного из основных личных прав свободу совести и вероисповедания¹.

Реализуя дискреционные полномочия, вытекающие из положений ст. 71 (п. «в», «о»), 72 (п. «к» ч. 1) и 76 российской Конституции, федеральный

¹ Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. - М., 2019. - С. 176.

законодатель закрепляет особенности правового статуса религиозных объединений, в том числе условия их признания в качестве юридического лица, порядок учреждения, создания, государственной регистрации и т.д. Действующим порядком правового регулирования допускаются две формы религиозного объединения, каждая из которых определяет особенности их правового статуса, - религиозная группа и религиозная организация. Объединяющим признаком для обеих форм выступает то, что они могут создаваться на добровольных началах представителями любых конфессий, преследующими цели совместного исповедания, распространения вероучения, вовлечения в свои ряды последователей веры.

Вместе с тем следует отметить существенные характеристики, определяющие правовой статус указанных форм религиозных объединений.

Первым признаком, отличающим религиозную организацию от религиозной группы, является обязательность государственной регистрации в установленном законом порядке. Религиозная организация, пройдя процедуру регистрации, приобретает статус юридического лица и действует в соответствии со своими уставами и внутренними установлениями. Эти документы определяют порядок образования органов управления и их компетенцию, порядок принятия решений этими органами, а также отношения между религиозной организацией и лицами, входящими в её состав. Согласно Федеральному закону о свободе совести и Гражданскому кодексу Российской Федерации, религиозной организацией признается добровольное объединение граждан Российской Федерации или иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и зарегистрированное в установленном законом порядке в качестве юридического лица.

Из приведенных дефиниций можно выделить важнейший элемент правового статуса религиозной организации, отличающий ее от религиозной группы, а именно необходимость государственной регистрации, которой

предшествуют подготовка и принятие устава и внутренних установлений организации, определяющих вопросы участия учредителей и иных юридических или физических лиц в деятельности религиозной организации. Как указал Конституционный Суд РФ, не существует юридических препятствий для того, чтобы религиозное объединение - в целях совместного исповедания и распространения веры - создавалось и действовало без государственной регистрации, однако в таком случае оно не будет обладать статусом юридического лица и пользоваться обусловленными им правами и льготами, предусмотренными законодательством. Иными словами, в отличие от религиозной организации религиозная группа не является юридическим лицом и может осуществлять свою деятельность без регистрации.

Второй признак: деятельность религиозной группы носит в отличие от религиозной организации не разрешительный, а уведомительный характер, тем самым не требуется разрешение органов публичной власти на осуществление ее деятельности. В настоящее время форма уведомления о начале деятельности религиозной группы и форма уведомления о продолжении такой деятельности утверждены Приказом Минюста России от 5 августа 2021 г. № 133 и требуют указывать полную информацию о месте регистрации лица-уведомителя, сведения об основах вероисповедания, сведения о местах совершения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, сведения о гражданах, входящих в религиозную группу, с указанием их фамилий, имен, отчеств, адресов места жительства.

Соблюдение уведомительного порядка связано с реализацией религиозной группой права на миссионерскую деятельность. Действия лиц, осуществляющих миссионерскую деятельность без надлежащего уведомления уполномоченного органа, могут подпадать под действие части 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Отсутствие своевременно направленного уведомления о продолжении деятельности религиозной группы может свидетельствовать не о нарушении законодательства, а о прекращении её деятельности.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что нарушение требования о необходимости уведомления уполномоченного органа о продолжении деятельности не является деянием, влекущим административную ответственность, предусмотренную частью 4 статьи 5.26 КоАП РФ, если не учтена вся совокупность обстоятельств совершенного правонарушения.

Таким образом, правовой статус религиозных объединений в Российской Федерации определяется их обязанностью соблюдать равенство прав и обязанностей, необходимостью государственной регистрации для религиозных организаций и уведомительным характером деятельности для религиозных групп. Эти особенности обеспечивают баланс между свободой вероисповедания и соблюдением законодательства, создавая условия для гармоничного сосуществования различных религиозных конфессий в светском государстве.

В 2021 году Федеральным законом от 5 апреля 2021 г. № 68-ФЗ введены дополнительные ограничения на осуществление миссионерской деятельности, направленные на обеспечение безопасности общества и государства, сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Этим же Федеральным законом закреплены дополнительные требования к руководителю и участникам религиозной группы, в частности установлен запрет на вхождение в состав таковой для иностранных граждан (лиц без гражданства), в отношении которых принято решение о нежелательности их пребывания (проживания) на территории России, а также для лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской (террористической) деятельности, и др. Указанные нововведения направлены на недопущение формирования на территории России экстремистских (террористических) объединений, что в полной мере согласуется с положениями ст. 13 Конституции и направлено на повышение прозрачности деятельности религиозных объединений и эффективности реализации органами Минюста России полномочий по осуществлению

государственного контроля за их деятельностью.

Третий признак, характеризующий правовой статус религиозной организации и отличающий её от религиозной группы, заключается в возможности формирования двухуровневой системы. В зависимости от территориальной сферы деятельности религиозные организации подразделяются на местные и централизованные. Местная религиозная организация должна состоять не менее чем из десяти участников, достигших восемнадцатилетнего возраста и постоянно проживающих в одной местности или в одном городском или сельском поселении. Централизованная религиозная организация включает в свой состав не менее трёх местных религиозных организаций, что должно быть предусмотрено в уставе, и обладает правами свободного входа и выхода из состава. Порядок регистрации религиозной организации зависит от её статуса — местная или централизованная, и осуществляется в соответствии с требованиями законодательства о регистрации некоммерческих организаций и юридических лиц, учитывая специальные нормы, регулирующие регистрацию религиозных организаций, согласно Административному регламенту по государственной регистрации НКО, утвержденному Приказом Минюста России.

Четвертым важным признаком, характеризующим религиозную организацию и отличающим ее от религиозной группы, является ее правосубъектность как юридического лица. Следует констатировать, что деятельность религиозных организаций весьма многообразна, включает в себя как вероисповедные и непосредственно с ними связанные отношения разного вида, так и участие религиозных организаций в мирской (нецерковной) жизни общества. Для осуществления своей деятельности религиозные организации вправе основывать и содержать культовые здания (сооружения), а также использовать иные места, предназначенные для богослужения, молитвенных и религиозных мероприятий и т.д. В соответствии с гражданским законодательством и положениями Федерального закона о свободе совести религиозная организация может выступать собственником имущества

(зданий, земельных участков, объектов производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительского и иного назначения, предметов религиозного назначения, денежных средств и др.), необходимого для обеспечения ее деятельности, вне зависимости от способа возникновения права на это имущество (приобретено (создано) за счет собственных средств, пожертвовано гражданами (организациями), передано в собственность государством либо приобретено иными законными способами).

3 ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1 Проблемы эффективности модели государственно- конфессиональных отношений в контексте конституционной реформы 2020 года

Проблемы эффективности модели государственно-конфессиональных отношений в контексте конституционной реформы 2020 года требуют

тщательного анализа и осмысления. Конституционная реформа 2020 года, внесшая значительные изменения в основной закон Российской Федерации, неизбежно повлияла на различные аспекты взаимодействия между государством и религиозными объединениями. Эти изменения обусловлены стремлением государства адаптировать правовую систему к новым социально-политическим реалиям, укрепить духовно-нравственные ценности и обеспечить устойчивое развитие гражданского общества. Однако возникают вопросы о том, насколько эффективна существующая модель государственно-конфессиональных отношений в новых конституционных условиях, какие вызовы и противоречия она порождает, и каким образом можно оптимизировать взаимодействие государственных и религиозных институтов для достижения общественного согласия и стабильности.

Введение в конституцию положений, касающихся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также упоминание Бога в преамбуле, символизируют новый вектор развития правового регулирования в этой сфере. Тем не менее, остается открытым вопрос о том, как эти новеллы влияют на правоприменительную практику и восприятие религиозных свобод в обществе. В условиях многонационального и многоконфессионального государства особенно важно, чтобы правовая система обеспечивала равенство и справедливость для всех религиозных объединений, предотвращая возможные конфликты и дискриминацию.

Анализ эффективности модели государственно-конфессиональных отношений в постреформенный период должен учитывать не только юридические аспекты, но и социокультурные факторы, которые влияют на функционирование религиозных организаций и их взаимодействие с государственными структурами. В этом контексте важным является исследование того, как новые конституционные положения соотносятся с международными обязательствами России в области прав человека и свободы вероисповедания, а также как они воспринимаются религиозными и светскими сообществами. Важно также рассмотреть, каким образом конституционная

реформа отразилась на механизмах реализации государственно-конфессиональной политики и какие изменения требуются для повышения ее эффективности в условиях динамично меняющегося общественного ландшафта.

Проблема устойчивого развития является одной из основных тем, которой последние десятилетия посвящены не только труды многих известных отечественных и зарубежных ученых¹, международные конвенции и национальное законодательство. Например, в России первым был издан Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». В 2002 г. Государственной Думой были приняты Основные положения устойчивого развития России, а в 2014 г. - Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 17.02.2023). В октябре 2021 г. вышло Распоряжение Правительства РФ «О Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года».

Обычно концепцию устойчивого развития связывают с качественным состоянием экологии, вызванным бурным социально-экономическим развитием в мире, начавшимся в 1970-е гг.². В 1987 г. в Докладе «Наше общее будущее», изданном Международной комиссией по окружающей среде и развитию, созданной Генеральной Ассамблеей ООН, было дано первое официальное определение термина «устойчивое развитие». Согласно ему под устойчивым развитием понимается такое «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».

В.В. Комарова справедливо отмечает, что в Российской Федерации первостепенное внимание уделяется комплексному и стратегическому

1 Комарова В.В. Устойчивое развитие в конституционно-правовом ракурсе // Теория государства и права. - 2022. - № 1. - С. 99.

2 Левина Е.И. Понятие «устойчивое развитие». Основные положения концепции // Вестник ТГУ. 2009. № 11. С. 113.

отношению институтов публичной власти, институтов гражданского общества к решению проблем в данной сфере. Поскольку в «национальной правовой доктрине акцентируется внимание на устойчивом инновационном развитии экономики, эколого-экономическом развитии, космической отрасли России, нефтегазового комплекса, курортных территорий, Арктической зоны, гражданского оборота и др.; разработке векторов устойчивого развития регионов России, государственной политики в области устойчивого развития городов; разработке концепции устойчивого развития сельских и прибрежных территорий; предлагаются стратегические цели устойчивого развития и средства, факторы их достижения; маркеры и индикаторы устойчивого развития».

Вместе с тем, несмотря на относительно длительный опыт решения проблемы устойчивого развития на всех уровнях, масштаб реализуемых международных и национальных концепций, разнообразие участвующих в указанном процессе субъектов и другие факторы, в целом их деятельность характеризуется существенным недостатком, который выражается в том, что с каждым годом экологические, экономические и другие проблемы все больше и больше усугубляются.

Пожалуй, самой главной причиной такого не вполне благополучного состояния в данной сфере является то, что отношение к данной проблеме, способам ее правового регулирования и многочисленным попыткам ее практического разрешения основывается на ограниченном (неадекватном) представлении о ней (как на международном уровне, так и на уровне государств) как о вопросах экологии и социально-экономического развития, а попытки их решения осуществляются исключительно организационно-правовыми методами: заключением многочисленных двусторонних и многосторонних конвенций и других международных договоров, изданием многочисленных законов и других нормативных правовых актов, а также созданием многочисленных бюрократических структур как на международном, так и на государственном уровне.

В частности, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений Постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» устойчивое развитие также связывается с вопросами экологии и экономики: «...право на развитие должно соблюдаться таким образом, чтобы было обеспечено справедливое удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в области развития и окружающей среды; для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития...».

Но проблема устойчивого развития гораздо шире, сложнее и глубже, чем состояние экологии и экономики и их динамика. И решить ее, опираясь только на привычные и поэтому практикуемые современным человечеством организационно-правовые методы регулирования и реализации, невозможно: экологические, экономические, социальные проблемы становятся все более масштабными и многочисленными, а привычные методы регулирования и их реализация не работают в полной мере.

Например, известный русский публицист М.Н. Катков еще в XIX в. писал: «Плодотворно лишь то право, которое видит в себе не что иное, как обязанность. Право, которое не есть обязанность, оказывается мыльным пузырем; ничего не выходит из него, и ни к чему не ведет оно. Такое право есть не сила, а слабость... Нет пользы в том, что я имею право то и это делать, если я не чувствую себя обязанным делать то, что должно».

А В.Д. Катков в том же веке писал: «Никакие юридические «ограничения» не могут здесь изменить существа дела, т.к. это азбучная истина государственной науки, что основные законы страны носят не столько юридический, сколько нравственный характер: закрепленное бумагой - на

бумаге и останется, если не находит себе нравственной и религиозной санкции среди народа... Бумага - одно, а нравственная и религиозная опора власти - другое...»¹.

В целом можно сказать, что дореволюционные ученые писали о проблеме, которую многие современные отечественные ученые обозначают как надпозитивное право. Например, Е.А. Осавелюк отмечает, что «надпозитивное право - категория, которая тесно связана с правом, но при этом находится вне права и поэтому может и возвышается над правом. Поскольку подобное над подобным (в данном случае - право над собой) возвыситься не может. Таких категорий, которые могут претендовать на понятие «надпозитивное право» и содержатся в Конституции России, две. Это нормы нравственности и нормы религии»².

О справедливости и актуальности для нашего времени предложений процитированных нами и многих других известных соотечественников прошлых веков свидетельствует, например, не только то, что в России в 2020 г. - после почти 30-летнего опыта решения данной проблемы в опоре на привычные организационно-правовые средства регулирования - в Конституцию РФ была включена поправка, которая к правовым социальным регуляторам добавила религиозные и нравственные начала. То есть в Конституцию была включена статья 67.1, которая провозгласила приверженность Российской Федерации тысячелетней истории создания государственного единства, основанного на памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства.

Например, изменениями, включенными в Федеральные законы от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ред. от 24.07.2023) и от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской

1 Катков В.Д. Христианство и государственность. - М., 2013. - С. 26.

2 Осавелюк Е.А. Проблема регулирования и реализации полномочий Президента, парламента и Правительства в области национальной безопасности России: монография. - М.: Юнити-Дана, 2021. - С. 12.

Федерации» (ред. от 24.07.2023), были расширены возможности изучения в школах и вузах основ религии, религиозной нравственности, а также получения профессионального религиозного образования.

Кроме того, после вступления в 2020 г. в силу ст. 67.1 Конституции РФ в федеральное законодательство были внесены многочисленные изменения. Например, с 1 сентября 2020 г. в п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» были внесены изменения, направленные на усиление духовно-нравственного аспекта воспитания. В новой редакции указанной статьи это «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде».

В целях дальнейшего совершенствования устойчивого развития 9 ноября 2022 г. был издан Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», пункт 4 которого дает определение понятия традиционных ценностей, о которых речь идет в ст. 67.1 Конституции РФ, как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Кроме того, правовыми позициями Конституционного Суда России,

сформулированными в многочисленных постановлениях, обращено внимание на то, что отечественное законодательство, посвященное устойчивому развитию, должно базироваться также на началах справедливости и других основах нравственности.

Например, в Определении от 20.07.2021 № 1621-О Конституционный Суд России, отказывая в принятии к рассмотрению жалобы заявителя, сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой «оспариваемые нормы во взаимосвязи с правовым регулированием, которому этими нормами придана обратная сила... преследуют конституционно значимые цели установления справедливого баланса интересов участников гражданского оборота, а также частных и публичных интересов, обеспечения устойчивого развития экономики».

3.2 Перспективы модернизации государственно-конфессиональных отношений в контексте конституционной реформы 2020 года

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому человеку и гражданину свободу совести и свободу вероисповедания. Это право относится к основам правового статуса личности, который признается и охраняется государством. Уголовно-правовая охрана такого конституционного права обеспечивается посредством установления и реализации ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповедания в виде публичных действий в целях оскорбления религиозных чувств верующих или воспрепятствования деятельности религиозных организаций, осуществлению богослужений или иных религиозных обрядов и церемоний, что указано в ст. 148 УК РФ. Подробно содержание данного права раскрыто в п. 1 ст. 3

Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее - Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Вместе с тем законодателем указаны не все, а лишь отдельные составляющие рассматриваемого права, которое может быть реализовано человеком индивидуально либо совместно с другими людьми. Примечательно, что одной из форм его реализации является отказ от исповедования какой-либо религии. Это указывает на недостаточную полноту охраны права на свободу совести и свободу вероисповедания с помощью ст. 148 УК РФ, поскольку в диспозиции говорится о нарушении интересов только одной части населения - верующих граждан. Такая «оговорка» проявляется и в том, что в статье не устанавливается ответственность за воспрепятствование всем формам реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания, в числе которых - свободный выбор, изменение, обладание и распространение религиозных и иных убеждений, свободное осуществление действий в соответствии с убеждениями. Кроме этого, при формировании ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ не учтено положение п. 2 ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», где сказано, что в нашей стране религиозные объединения могут создаваться в форме не только религиозных организаций, но еще и религиозных групп¹.

В соответствии с п. 6 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» следует, что предметом запрета и преследования является любое воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания. Из содержания данных положений следует, что само по себе оскорбление граждан не может рассматриваться в качестве самостоятельной формы незаконного воспрепятствования осуществлению указанного права, что обуславливает сомнения в юридической обоснованности включения в ст. 148 УК РФ ответственности за публичные

¹ Федотова Ю.Е. Свобода совести и вероисповедания как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2018. - С. 10.

оскорбительные действия. Более того, представляется, что в п. 6 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» приводится более точная формулировка, отвечающая требованию правовой определенности и описывающая противоправные действия, связанные с воспрепятствованием права на свободу совести и свободу вероисповеданий, а именно - умышленное оскорбление чувств граждан в связи с их отношением к религии.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ, предусмотренное преступление одновременно должно характеризоваться специфическими объективными признаками, каждый из которых, будучи криминообразующим, имеет оценочный характер. Первый связан со способом и (или) обстановкой совершения общественно опасных действий и заключается в их публичности, что предполагает восприятие или объективную возможность восприятия таковых или их результатов (например, оскорбительных надписей, нанесенных на стену храма, публикация оскорбительной информации в интернете) широким кругом лиц. Так, в практике Суздальского районного суда Владимирской области рассматривалось дело, У Д., имеющего беспрепятственный доступ к глобальной мировой сети "Интернет", возник преступный умысел, направленный на совершение публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу, в целях оскорбления религиозных чувств верующих, путем распространения в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на сайте социальной сети "Одноклассники" на созданной им общедоступной странице под именем пользователя - "Д." по электронной ссылке <данные изъяты>, изображений, выражающих явное неуважение к обществу, в целях оскорбления религиозных чувств верующих, доступных для восприятия неопределенному кругу лиц.

Реализуя свой преступный умысел, Д., действуя умышленно, с целью публичного оскорбления религиозных чувств верующих, а также, действуя в нарушение принципов, закрепленных в ч. 2 ст. 19, ст. 28 Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство прав и свобод человека и

гражданина независимо от расы, национальности, происхождения, отношения к религии, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, осознавая общественно опасный и противоправный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде публичного оскорбления религиозных чувств верующих, желая наступления именно таких последствий, в 11 часов 8 минут ***, используя принадлежащий ему сотовый телефон марки "Samsung Galaxy A30S" с абонентским номером: ###, с возможностью подключения и использования сети "Интернет", находясь в <...>, разместил в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на своей общедоступной интернет странице - "Д." на сайте социальной сети "Одноклассники" по ссылке <данные изъяты>, то есть публично, скомпонованное графическое изображение ФИОЗ в образе святого, содержащее лингвистические, психологические и религиоведческие признаки выражения неуважения к обществу в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

В продолжение своего преступного умысла, в 12 часов 21 минуту ***, Д., действуя умышленно, с целью публичного оскорбления религиозных чувств верующих, а также, действуя в нарушение принципов, закрепленных в ч. 2 ст. 19, ст. 28 Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, происхождения, отношения к религии, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, осознавая общественно опасный и противоправный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде публичного оскорбления религиозных чувств

верующих, желая наступления именно таких последствий, используя принадлежащий ему сотовый телефон марки "Samsung Galaxy A30S" с абонентским номером: ###, с возможностью подключения и использования сети "Интернет", находясь в <...>, разместил в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на своей общедоступной интернет-странице - "Д." на сайте социальной сети "Одноклассники" по ссылке <данные изъяты>, то есть публично, скомпонованное графическое изображение ФИО5 в образе апостола Андрея Первозванного, содержащее лингвистические, психологические и религиоведческие признаки выражения неуважения к обществу в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

Согласно заключению экспертов комплексной психолого-лингвистико-религиоведческой судебной экспертизы от ***, скомпонованное графическое изображение ФИО3 в образе святого, а также скомпонованное графическое изображение ФИО5 в образе апостола Андрея Первозванного содержат признаки негативного отношения к христианству, и их демонстрация в социальной сети "Одноклассники" является глумлением над религиозными чувствами верующих христиан, способна оскорбить их.

Совершая вышеуказанные противоправные действия, Д., заведомо знал, что с размещенными им для свободного доступа и копирования скомпонованными графическими изображениями, в последующем ознакомится неограниченно широкий круг лиц - пользователей локальной файлообменной социальной сети "Одноклассники", и желал, чтобы указанное изображение было распространено и стало доступным для копирования.

При совершении вышеуказанных действий, Д. осознавал, что, размещая для публичного просмотра вышеуказанные скомпонованные графические изображения, совершает действия, направленные на выражение явного неуважения к обществу, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, и желал этого.

Подсудимый Д. в судебном заседании вину в совершении вышеуказанного преступления признал полностью, от дачи показаний

отказался, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ. В социальной сети "Одноклассники" у него имеется личная страница с наименованием "Д.", ссылка на сайт в сети интернет: <данные изъяты>, которую он зарегистрировал в *** года, с привязкой к принадлежащему ему абонентскому номеру: ####. Данной страницей пользовался всегда и пользуется только он, логин и пароль к данной странице имеется только у него, больше никто данных от его страницы не знает и доступа к странице не имеет. Данную страницу в "Одноклассниках" он создал для общения с друзьями, а также он использовал ее для размещения на ней различных фото, аудио- и видеоматериалов, в том числе, экстремисткой и нацистской направленности, и содержания. В связи с этим он привлекался к административной ответственности за пропаганду нацистской символики в сети "Интернет".

Страница в социальной сети "Одноклассники" с псевдонимом "Д." является открытой, в связи с чем доступ к ней, а также к записям, которые он размещает на своей странице в "Одноклассниках", имеют все пользователи социальной сети "Одноклассники". На его странице "Д." было около 100 друзей. Компьютера у него нет и он пользовался с целью выхода в сеть интернет принадлежащим ему телефоном - смартфоном марки "Самсунг" модель "Galaxy A30S", имеющим функцию доступа к сети интернет. В сеть интернет он выходил посредством использования мобильного интернета по принадлежащему ему абонентскому номеру #### оператора сети "Билайн", которую он приобрел и зарегистрировал на себя с *** года.

Так, используя принадлежащий ему телефон "Самсунг" разместил в указанное время на своей странице фото, на котором изображен мужчина с нимбом над головой, одетый в одеяние христианского священнослужителя. На плечах одеяния священнослужителя имеются знаки нацистской свастики, справа изображение черепа, а также изображение двух вертикальных молний (символы нацистской Германии). Кроме того, изображение содержит текст следующего содержания: "Святой ФИОЗ", "ФИОЗ святой" и "ФИО47".

Вышеуказанное фотоизображение он специально разместил на своей

странице, в свободном доступе для всех пользователей, имея намерение оскорбить религиозные чувства верующих, поскольку был огорчен тем, что его выгнали из церкви.

Он изначально хотел выставить фотоизображение с чертом или дьяволом, как противоположность Богу, но не нашел таких фотографий в свободном доступе в сети "Интернет". Фотоизображение, которое он разместил на своей странице, он нашел в "Интернете" и решил его выставить, поскольку понимал, что изображение ФИОЗ, как вождя нацисткой Германии, из-за которой во время второй мировой войны погибли миллионы людей и который олицетворяет собой зло, а также изображение нацисткой символики-свастики на иконе оскорбит религиозные чувства верующих людей (пользователей "Одноклассников" и иных пользователей сети Интернет), которые посещали или могли посетить его страницу, и увидели бы это фотоизображение.

Также он осознавал, что фотоизображение ФИОЗ в образе православного святого является экстремистским, содержащим признаки негативного отношения к христианству, является глумлением над религиозными чувствами христиан и других религиозно верующих людей и способно их оскорбить, что он и хотел сделать.

Кроме того, он, также используя принадлежащий ему телефон "Самсунг" модель "Galaxy A30S" с сим-картой ###, находясь дома *** около 12 часов, подключившись к мобильному интернету оператора сети "Билайн" при помощи своей сим-карты, с указанным номером, используя приложение "Одноклассники", осуществил выход на свою личную страницу с псевдонимом "Д.", ссылка на сайт в сети интернет (<данные изъяты>), и разместил фото в виде иконы, на которой изображен мужчина, с нимбом над головой, в одежде священнослужителя. Над нимбом изображены буквы и слова: "Св. ап Андрей первоз", в правой руке мужчина держит крест, в левой руке книгу. Под изображением мужчины, имеется надпись: "Наше святыло ФИО5".

Вышеуказанное фотоизображение он также нашел в свободном доступе сети интернет и "выложил" на своей странице, поскольку по-прежнему был огорчен тем, что его выгнали из церкви, при обстоятельствах о которых он ранее указывал, поэтому действовал в продолжение ранее возникшего у него умысла на оскорбление религиозных чувств верующих. При этом обида у него не прошла, а факт предыдущего "выкладывания" им на его странице фото с изображением ФИОЗ в образе святого не достигла нужного эффекта, никто не обратился к нему по данной картинке из пользователей "Одноклассников".

Фотоизображение мужчины с нимбом над головой, в одежде священнослужителя с буквами и словами: "Св. ап Андрей первоз.", у которого в правой руке крест, а в левой руке - книга, под изображением мужчины, надпись: "Наше святыло ФИО5" он разместил, поскольку понимал, что изображение ФИО5, как серийного убийцы - маньяка, который убил много простых невинных людей и причинил людям много горя, в образе святого человека, в том числе христианского святого Андрея Первозванного, в виде иконы, оскорбит религиозные чувства верующих людей (пользователей "Одноклассников"), которые посещали или могли посетить его страницу, и увидели бы это фотоизображение. Также он осознавал, что данное фотоизображение является экстремистским, содержащим признаки негативного отношения к христианству, являются глумлением над религиозными чувствами христиан и других религиозных верующих людей и способно их оскорбить, что он и хотел сделать. Никаких ограничений для просмотра на его странице "Д." в "Одноклассниках" другими пользователями социальной сети не было, его страница имеет открытый публичный доступ. В ***, либо в *** его страница "Д." в социальной сети "Одноклассники" была заблокирована администрацией социальной сети "Вконтакте", а фотоизображения, размещенные им и указанные ранее, были удалены администрацией социальной сети. Вину в совершенном преступлении он признает, осознает, что совершил уголовно-наказуемое деяние. В содеянном раскаивается, обязуется впредь не совершать подобных поступков (***)

В ходе проверки показаний на месте с участием обвиняемого Д. последний сообщил обстоятельства, при которых он, находясь по адресу: <...>, разместил *** на своей личной странице в социальной сети "Одноклассники" фотоизображение ФИОЗ в образе православного святого в виде иконы, на которой изображен мужчина, с нимбом над головой, в одежде священнослужителя; на плечах одеяния имеются знаки нацистской свастики, справа изображение черепа, а также изображение двух вертикальных молний (символы нацистской Германии) и текст: "Святой ФИОЗ", "ФИОЗ святой" и "ФИО47". Кроме того, сообщил, что *** он (Д.) разместил на своей личной странице в социальной сети "Одноклассники" фото в виде иконы, на котором изображен маньяк ФИО5, с нимбом над головой, в одежде священнослужителя. Над нимбом имеются буквы и слова: "Св. ап Андрей перевоз.", под изображением имеется надпись: "Наше святыло ФИО5" (***).

После оглашения вышеприведенных протоколов следственных действий, подсудимый Д. полностью подтвердил их содержание, пояснив, что показания в ходе предварительного следствия давал добровольно, в присутствии защитника - адвоката, без оказания какого-либо воздействия со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Вина подсудимого Д. подтверждается также исследованными в судебном заседании доказательствами¹.

Второй состоит в выражении явного неуважения к обществу, под которым Пленум Верховного Суда РФ понимает «умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, вызванное желанием лица, совершающего соответствующие действия, противопоставить себя окружающим гражданам, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним». Этот признак характеризует социальные свойства деяния, определяемые способом и обстановкой его совершения, содержанием

¹ Приговор Суздальского районного суда Владимирской области от 29.12.2022 по делу N 1-176/2022 // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?BASENODE=32849-10&req=doc&cacheid=E9C14F9EDE4C550D0FD3F8D1F93D95ED&mode=searchcard&rnd=ErNerA&base=AOCN&n=12530454#DxI3FEUmulOfdRI01> (Дата обращения: 01.05.2024).

оскорбительных действий. Так, в практике Крымского районного суда Краснодарского края рассматривалось дело - ФИО1 совершил публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу в целях оскорбления религиозных чувств верующих, при следующих обстоятельствах.

ДД.ММ.ГГГГ в период времени с 16 до 17 часов, более точное время не установлено, у ФИО1 находящегося в кафе "VOSK", расположенного по адресу: <адрес>, достоверно знающего, что ДД.ММ.ГГГГ в Российской Федерации отмечается один из самых главных христианских праздников - Пасха (Воскресение Христово), возник умысел на курение табака через устройство для курения кальян, путем помещения табака в кулич - пасхальный хлеб, являющийся главным традиционным символом Пасхи, возник умысел на совершение публичных действий, оскорбляющих религиозные чувства верующих. ФИО1, реализуя свой вышеуказанный противоправный умысел, ДД.ММ.ГГГГ примерно в 17 часов приобрел в магазине ООО Агроторг "Пятерочка", расположенном по адресу: <адрес> кулич (пасхальный хлеб), после чего вернулся в кафе "VOSK", по вышеуказанному адресу, где, пренебрежительно относясь к православной вере, преследуя цель оскорбить религиозные чувства верующих, действуя умышленно, то есть, сознавая общественную опасность своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий в виде нарушения конституционных прав и оскорбления религиозных чувств неопределенного круга православных верующих, и желая их наступления, изготовил из приобретенного им кулича (пасхального хлеба) чашу, в которую заложил табак и разожженные угли, подготовил кальян для курения табака.

Непосредственно после этого, ФИО1, продолжая свои умышленные противоправные действия, ДД.ММ.ГГГГ примерно в 17 часов 20 минут, проследовал на территорию, прилегающую к запасному выходу кафе "VOSK", расположенную по адресу: <адрес>, в ходе курения вышеуказанного кальяна с использованием вместо колбы для табака кулича (пасхального хлеба), желая продемонстрировать публично свое курение кальяна, оскорбляющее чувства

верующих, привлек своего знакомого ФИО6, не осведомленного о его противоправных намерениях, которому передал свой мобильный телефон "XiaomiMiMix 2S" и попросил осуществить видеозапись процесса его курения. ФИО6, будучи не осведомленным о противоправных намерениях ФИО1, используя мобильный телефон последнего "XiaomiMiMix 2S" осуществил 3 видеозаписи, длительностью 13,9 и 5 секунд соответственно, а также сделал 1 фотографию кальяна с использованием вместо колбы для табака кулича (пасхального хлеба) и процесса его курения ФИО1, после чего передал телефон ФИО1. Затем, ДД.ММ.ГГГГ в период времени с 17 часов по 18 часов, более точное время не установлено, ФИО1, продолжая находиться на территории, прилегающей к запасному выходу кафе "VOSK" расположенном по адресу: <адрес>, г. Крымск. <адрес>, с целью придания публичности своим противоправным действиям, направленным на оскорбление религиозных чувств верующих, выражая явное неуважение к обществу, действуя открыто, гласно, доступно для внимания неопределенного круга лиц, умышленно нарушая общепризнанные нормы и правил поведения, желая противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к религиозным устоям православной христианской веры, используя свой мобильный телефон "XiaomiMiMix2S", подключенный к всемирной системе объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации "Интернет", опубликовал в своем личном аккаунте в интернет-сервисе "Instagram": minas_budagyan, доступ к которой открыт для неограниченного круга лиц, одну из вышеуказанных видеозаписей имеющей название "VID_20210502_173629.mp4" и длительностью 13 секунд, на которой в ответ на высказывание ФИО6 пасхального приветствия "Христос Воскрес" вместо "Аминь" - обычно завершающей формулы в молитвах и псалмах в христианстве, призванной подтверждать истинность произнесенных слов, сказал "Алюминь", а также подписал данную видеозапись: "Верующие !!! С новым годом нах** !!!" (нецензурно), которая была скопирована и опубликована в других аккаунтах интернет-сервиса

"Instagram" с открытым доступом и просмотрена неопределенным кругом лиц из числа православных верующих.

Согласно религиозного исследования (заключения специалиста) от ДД.ММ.ГГГГ, материалы, имеющиеся на CD-R SmartTrack 700 MB 80 min, содержащие видеозапись, размещенную в открытом доступе сети "Интернет" с актом курения кальяна на пасхальном хлебе (куличе) в период празднования христианского праздника - Воскресение Христово (Пасха), сопровождающегося высказыванием в адрес курящего фразы: "Христос Воскрес!" и ответом последнего: "Алюминь!"; публичным употреблением матерной фразы, обращенной к верующим людям: "Верующие!!! С новым годом на... уй!!!" и скриншоты с открытой страницы в сети Интернет позволяют квалифицировать содержащиеся на видеозаписи действия в качестве явного неуважения к обществу. Установлено, что действия, зафиксированные на представленных материалах, выражающие явное неуважение к обществу связаны: 1) проколом пасхального хлеба (кулича) кальянной трубкой, ее курением на пасхальном хлебе (куличе); 2) унижительным и умышленным искажением библейско-христианского молитвенного термина "Аминь" на "Алюминь"; 3) употреблением матерной фразы, обращенной к верующим людям: "Верующие!!! С новым годом на... уй!!!". Установлено, что действия, зафиксированные на представленных материалах, должны быть квалифицированы, как оскорбление чувств верующих. Установлено, что зафиксированные на представленных материалах действия связаны с осквернением пасхальных ценностей христианской религии в целом, в особенности православного христианства, так как именно в нем праздник Пасхи Христовой имеет по сравнению с иными христианскими конфессиями (католицизмом, протестантскими вероисповеданиями), а также иудаизмом, наиболее важное, духовно-мировоззренческое значение. Установлено, что действия, зафиксированные на представленных материалах, совершены в оскорбительной форме, то есть в форме богохульства, кощунства, святотатства.

Своими вышеуказанными умышленными действиями ФИО1 оскорбил и существенно нарушил конституционные права неопределенного круга лиц из числа православных верующих, предусмотренные ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, согласно которой государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; ст. 28 Конституции РФ, устанавливающей, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, а также ч. 2 ст. 29 Конституции РФ, предусматривающей, что не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Подсудимый ФИО1 в судебном заседании вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, признал в полном объеме, в содеянном раскаялся, поддержал ранее заявленное ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства¹.

Вместе с тем возникает вопрос о том, какие именно общественные отношения нарушаются данными уголовно наказуемыми деяниями. Принимая во внимание социальные свойства и направленность таких деяний, видим, что

¹ Приговор Крымского районного суда Краснодарского края от 26.01.2022 по делу N 1-66/2022 // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?BASENODE=32850-12&req=doc&cacheid=E9C14F9EDE4C550D0FD3F8D1F93D95ED&mode=searchcard&rnd=ErNerA&base=AOUG&n=7304581#bIK7FEUmStAuj1n11> (Дата обращения: 02.05.2024).

они посягают на достоинство личности отдельного человека либо социальной группы верующих, представителем которой он является. В данном случае достоинство одного человека или группы унижается вследствие присущего им отношения к религии. Иные общественные отношения, так или иначе затрагиваемые в процессе совершения этих преступлений, могут составлять их дополнительные или даже факультативные непосредственные объекты. При этом в отдельных случаях нарушение последних в процессе нанесения оскорбления верующим может представлять более высокую общественную опасность, что предполагает квалификацию содеянного по совокупности соответствующих преступлений (например, по ч. 1 или 2 ст. 148 и по ч. 1 или 2 ст. 167 УК РФ, в которых предусмотрена уголовная ответственность за умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества в значительном размере).

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие беспрепятственное осуществление законной деятельности религиозных организаций или проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. Эти общественные отношения выступают основным непосредственным объектом данных преступлений.

Объективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, выражается в действиях, являющихся публичными. Эти действия должны выражать явное неуважение к обществу, оскорбляя при этом религиозные чувства верующих. Такая направленность не только предопределяет их совершение исключительно с прямым умыслом, но и характеризует присущую им цель, а именно - оскорбление религиозных чувств. То есть с позиции субъективной стороны составов этих преступлений виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, в том числе присущие им публичность и выражение явного неуважения к обществу, а также стремится достичь такого результата, как оскорбление религиозных чувств верующих. При этом цель как результат не обязательно достигается

виновными, что не влияет на юридическую оценку деяния.

Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ, заключается в совершении противоправных действий, препятствующих легальной деятельности религиозных организаций либо проведению богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний. Это деяние является оконченным в тот момент, когда соответствующие противоправные действия виновных лиц фактически привели к вынужденному прекращению деятельности религиозной организации либо процесса осуществления богослужения, иного религиозного обряда или церемонии, а равно к утрате возможности начать указанную деятельность, богослужение, иной религиозный обряд или церемонию. Если же усилия виновного лица по независящим от него обстоятельствам не привели к созданию таких препятствий, то соответствующие действия должны квалифицироваться как покушение на преступление (предусмотренное ч. 3 или 4 ст. 148 УК РФ). Такой подход к пониманию объективной стороны данного преступления позволяет дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от степени реализации преступного умысла и уровня общественной опасности неоконченной и оконченной преступной деятельности, а также отграничить таковую от сходных административных правонарушений. Здесь следует особо отметить, что более детально вопросы установления объективной стороны рассматриваемого нами деяния охарактеризованы профессором В.П. Коняхиным¹.

Еще один момент, на который следует обратить внимание при рассмотрении институциональных основ формирования запретов о нарушении права на свободу совести и вероисповеданий. Буквально трактуя диспозицию ч. 3 ст. 148 УК РФ, следует учитывать, что в ней предусматривается ответственность за воспрепятствование деятельности уже

1 Коняхин В.П., Бахметьев П.В. Объективная сторона преступления, предусмотренного частью 3 статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации, и проблемы ее установления // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2017. - № 2 (36). - С. 22.

созданной и функционирующей в установленном законом порядке религиозной организации, тогда как препятствование ее легальному созданию необоснованно оставлено вне сферы применения данного уголовно-правового запрета. Последнее обстоятельство подтверждает гипотезу о недостаточной полноте и последовательности уголовно-правовой охраны права граждан на свободу совести, свободу вероисповедания, а также нормальной деятельности религиозных объединений. Согласно ч. 4 ст. 148 УК РФ квалифицированные виды воспрепятствования деятельности религиозных организаций, проведению богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний заключаются в совершении этого деяния лицом с использованием своего служебного положения (п. «а») либо с применением насилия или с угрозой его применения (п. «б»).

Однако на практике п. «а» и «б» ч. 4 ст. 148 УК РФ применить довольно проблематично. Причину того, что такие положения уголовного закона потенциально не могут применяться, довольно точно охарактеризовали В.П. Коняхин и П.В. Бахметьев: необоснованная мягкость санкции ч. 4 ст. 148 УК РФ, где максимальный срок лишения свободы составляет один год, что существенно уступает конкурирующим уголовно-правовым нормам¹. Так, например, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по ч. 1 ст. 119 УК РФ наказывается лишением свободы на срок до 2 лет, а при совершении этого преступления по мотиву религиозной ненависти или вражды (ч. 2) максимальный срок лишения свободы увеличивается до 5 лет. То есть угроза в преступлении, предусмотренном п. «б» ч. 4 ст. 148 УК РФ, может состоять исключительно в устрашении применением такого насилия, которое может причинить средней тяжести вред здоровью потерпевшего. Если же рассматриваемое деяние совершается должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной

1 Коняхин В.П., Бахметьев П.В. Квалифицированные виды незаконного воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний // Российский следователь. - 2017. - № 20. - С. 32.

организации, то приоритетными нормами, подлежащими применению в таких случаях, являются ст. 201, 285 или 286 УК РФ об ответственности за злоупотребление соответствующими полномочиями или превышение таковых, предусматривающих более строгое наказание, чем в санкции ч. 4 ст. 148 УК РФ.

С учетом изложенного следует отметить, что совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, нарушающие законодательство о свободе совести и вероисповеданий, следует выстраивать с учетом имеющегося опыта криминализации таких деяний, актуальных потребностей личности, общества и государства в охране определенных благ с помощью именно уголовного закона, а также проводимой политики государства, в том числе в сфере противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности. Такое совершенствование связано не только с толкованием их объективных и субъективных признаков, часть которых имеет оценочный характер, но и с квалификацией содеянного с учетом совокупности преступлений, с назначением и исполнением уголовных наказаний.

Для этого необходимо внести ряд изменений и дополнений в уголовное законодательство, в том числе, например, закрепить ответственность за общественно опасные формы воспрепятствования индивидуальной и совместной реализации указанного конституционного права, восстановить уголовную ответственность за оскорбление с включением в состав этого преступления альтернативных признаков, связанных с административной преюдицией и судимостью за посягательства на честь и достоинство личности, придать предупредительной деятельности более выраженную превентивную направленность. Одновременно при научном осмыслении институциональных основ формирования запретов о нарушении права на свободу совести и вероисповеданий следует учитывать системные связи, существующие как между нормами уголовного закона, так и между ними и нормами иного законодательства с тем, чтобы исключить дублирование соответствующих

запретов и их необоснованную конкуренцию, а также обеспечить выверенную дифференциацию юридической ответственности за такие деяния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать следующие предложения по совершенствованию законодательства.

В результате исследования публично-правовых основ взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации выявлены ключевые особенности и закономерности, определяющие характер и динамику этих отношений. В историческом контексте анализ взаимодействия государства и религиозных объединений показывает значительные изменения, связанные с различными периодами, начиная с принятия христианства на Руси и заканчивая современным этапом светского государства. Каждый из этих периодов характеризовался своими особенностями и подходами к регулированию правового статуса религиозных организаций.

В современном российском законодательстве, начиная с Конституции 1993 года, закреплены принципы свободы совести и вероисповедания, а также отделения церкви от государства. Эти принципы легли в основу правового регулирования, направленного на обеспечение равенства всех религиозных объединений перед законом и предотвращение вмешательства государства в их внутренние дела. Принятые законы, такие как Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», предоставляют религиозным организациям правоспособность юридических лиц, что позволяет им осуществлять свою деятельность в различных сферах общественной жизни.

Анализ нормативно-правовых актов показывает, что взаимодействие религиозных объединений с государственными органами регулируется в рамках обеспечения общественного порядка, национальной безопасности и защиты прав и свобод граждан. Государственные органы осуществляют контроль за соблюдением законодательства религиозными организациями, в том числе в сфере финансовой деятельности, строительства культовых сооружений и образования. В то же время, государство поддерживает сотрудничество с религиозными объединениями в области благотворительности, социальной помощи, культуры и образования, что способствует укреплению общественного согласия и гармонизации межконфессиональных отношений.

Практика применения законодательства свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования взаимодействия государства и религиозных объединений. Важными направлениями являются разработка механизмов предотвращения экстремистской деятельности под видом религиозной, защита прав верующих и религиозных организаций от дискриминации, а также обеспечение прозрачности и подотчетности финансовой деятельности религиозных объединений.

Публично-правовые основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации являются

многогранной и динамично развивающейся сферой, требующей постоянного внимания со стороны законодателей и правоприменительных органов. Углубленное исследование этой темы позволяет выявить ключевые проблемы и предложить пути их решения, что способствует созданию правовой основы для гармоничного сосуществования различных религиозных объединений и их эффективного взаимодействия с государством на благо общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. – 1997. - № 39. - Ст. 4465.
3. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 3. - Ст. 145.

4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3031.
5. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 26. - Ст. 2519.
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. - № 46. - Ст. 7977.
7. Приказ Минюста РФ от 03.03.2009 № 62 «Об утверждении Порядка регистрации, открытия и закрытия в Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2009. - № 13.
8. Приказ Минюста РФ от 18.02.2009 № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» // Российская газета. – 2009. - № 43.

Научная и учебная литература

9. Бабичев, И.В. Муниципальное право: системно-структурный анализ юридических конструкций / И.В. Бабичев. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. - 334 с.
10. Барабашев, Г.В. Местное самоуправление / Г.В. Барабашев. - - Москва: Изд-во МГУ, 1996. - 350 с.
11. Виханский, О.С. Стратегическое управление: Учебник / О.С. Виханский. - Москва: Гардарики, 1998. - 296 с.
12. Государство, Конституция, Родина: к поискам национальной идеи новой доктрины государства / под редакцией Л.В. Голоскокова. - М.: Проспект, 2015. - 320 с.

13. Еремян, В.В. Современный мексиканский муниципализм: учебное пособие / В.В. Еремян. - Москва: РУДН, 1996. - 90 с.

14. Исаева, А.А. Формы ограничений свободы совести и перспективы секуляризма в современном мире: Монография / А.А. Исаева. - Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. - 228 с.

15. Колпаков, В.К. Административное право: Учебник / В.К. Колпаков. - Киев: Юринком Интер, 2001. - 736 с.

16. Коневская, А.Ю. Конституционная свобода совести: содержание, границы, гарантии: Диссертация кандидата юридических наук / А.Ю. Коневская. - Челябинск, 2010. - 224 с.

17. Королев, В.Н. Проблемы реализации права осужденных на свободу вероисповедания: учебное пособие / В.Н. Королев. - Уфа: Издательство Уфимской высшей школы МВД РФ, 1994. - 93 с.

18. Лункин, Р. Религия и право в современной России / Р. Лункин, И. Загребина. - Москва: Юриспруденция, 2017. - 256 с.

19. Марджотта Брольо, Ф. Религии и юридические системы. Введение в сравнительное церковное право / Ф. Марджотта Брольо, Ч. Мирабелли, Ф. Онида; Перевод с итальянского: А. Кандауров, А. Звонарева, Т. Шишкова. - Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. - 437 с.

20. Мердок, Д. Защита права на свободу мысли, совести и религии в рамках Европейской конвенции о защите прав человека / Д. Мердок. - Воронеж: Элист, 2014. - 163 с.

21. Муниципальная служба. Справочное пособие / А.М. Володин, А.А. Немчинов. - Москва: Дело и Сервис, 2002. - 384 с.

22. Осипов, А.И. Путь разума в поисках истины / А.И. Осипов. - Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. - 430 с.

23. Петришин, А.В. Государственная служба: историко-теоретические предпосылки. Сравнительно-правовой и логико-понятийный аппарат: Монография / А.В. Петришин. - Харьков: Факт, 1998. - 231 с.

24. Полещенко, Д.А. Соотношение государственной власти и местного самоуправления в Российской империи и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук / Д.А. Полещенко. - Москва, 2010. - 215 с.

25. Право государственной и муниципальной службы: Учебное пособие / А.С. Васильева [и др.]; Под редакцией А.В. Гусева, А.Н. Митина, В.Ш. Шайхатдинова. - Екатеринбург: УГЮА, 2011. - 380 с.

26. Право государственной и муниципальной службы: Учебное пособие / Под редакцией В.Ш. Шайхатдинова, А.Н. Митина. - Москва: Проспект, 2014. - 528 с.

27. Пчелинцев, А.В. Религиозная диффамация. Защита верующих от ксенофобии и языковой агрессии / А.В. Пчелинцев. - Москва: Юриспруденция, 2014. - 192 с.

28. Федотова, Ю.Е. Свобода совести и вероисповедания как объект уголовно-правовой охраны: автореферат диссертации кандидата юридических наук / Ю.Е. Федотова. - Екатеринбург, 2018. - 29 с.

29. Черемных, Г.Г. Свобода совести в Российской Федерации / Г.Г. Черемных. - Москва: Манускрипт, 1996. - 184 с.

30. Шахов, М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации / М.О. Шахов. 2-е изд., доп. - Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2013. - 348 с.

Статьи в научных журналах, сборниках и СМИ

31. Авакьян, С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. - 2019. - № 7. - С. 23 - 28.

32. Авакьян, С.А. Слово «власть» не должно пугать: Интервью с С.А. Авакьяном / С.А. Авакьян // Закон. - 2020. - № 12. - С. 8 - 16.

33. Бимбинов, А.А. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии /

А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин // Lex russica (Русский закон). - 2017. - № 11. - С. 111 - 122.

34. Должиков, А.В. стакан наполовину полон или пуст? Вмешательство как форма ограничения конституционных прав / А.В. Должиков // Сравнительное конституционное обозрение. - 2018. - № 1(122). - С. 80 - 112.

35. Занковский, С.С. Конституция и бизнес: взгляд на историю и современность / С.С. Занковский // Труды Института государства и права Российской академии наук. - 2014. - № 1. - С. 15 - 28.

36. Исаева, А.А. Признаки светского государства и особенности их реализации в современной России / А.А. Исаева // Конституционное и муниципальное право. - 2018. - № 9. - С. 28 - 34.

37. Комарова, В.В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) / В.В. Комарова // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - № 8(117). - С. 22 - 31.

38. Коняхин, В.П. Квалифицированные виды незаконного воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний / В.П. Коняхин, П.В. Бахметьев // Российский следователь. - 2017. - № 20. - С. 32 - 35.

39. Коняхин, В.П. Объективная сторона преступления, предусмотренного частью 3 статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации, и проблемы ее установления / В.П. Коняхин, П.В. Бахметьев // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2017. - № 2 (36). - С. 22 - 26.

40. Лавицкая, М.И. Право на религиозное (православное) образование и его значение для современной России / М.И. Лавицкая, А.А. Гурылева // Среднерусский вестник общественных наук. - 2015. - № 6. - С. 210 - 216.

41. Маркова, Е.Н. Дело о хиджабе в зале суда, или Еще раз о религиозных символах в публичном пространстве (обзор Постановления ЕСПЧ по делу «Лачири против Бельгии») / Е.Н. Маркова // Российский судья.

- 2019. - № 2. - С. 54 - 60.

42. Маркова, Е.Н. К вопросу о (не)возможности ограничения внутренней свободы религии (forum internum) / Е.Н. Маркова // Конституционное и муниципальное право. - 2017. - № 10. - С. 26 - 33

43. Митюков, М.А. Дискуссии о светском государстве на Конституционном совещании / М.А. Митюков // Актуальные проблемы российского права. - 2017. - № 9(82). - С. 68 - 80.

44. Румянцев, О.Г. Векторы настройки механизма принятия политических решений / О.Г. Румянцев // Конституционное и муниципальное право. - 2021. - № 5. - С. 7 - 16.

45. Седых, Н.С. Современный терроризм и молодежь: проблемы информационно-психологического противодействия / Н.С. Седых // Мусульманский мир. - 2017. - № 2. - С. 26 - 38.

46. Сябарева, И.Ф. Правовой режим предпринимательской деятельности, осуществляемой образовательными организациями / И.Ф. Сябарева // Юрист. - 2014. - № 14. - С. 32 - 35.

47. Чеботарев, Г.Н. Публичная власть и общественное представительство: синергия сотрудничества / Г.Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. - 2021. - № 7. - С. 21 - 24.

48. Шогенов, Т.М. О некоторых вопросах распространения экстремистских материалов с использованием сети Интернет / Т.М. Шогенов // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 5. С. 160 - 162.

49. Югов, А.А. Органы публичной власти в свете конституционной реформы - 2020: понятие и основные признаки / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. - 2021. - № 6. - С. 3 - 9.

50. Янкевич, С.В. Светский характер общего образования в Российской Федерации / С.В. Янкевич, Н.В. Княгина // Журнал российского права. - 2018. - № 9 (261). - С. 91 - 101.

